ПРОВ. 1957

B1658

РЕАЛИЗМЪ СПЕНСЕРА

(КРИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

Проблема реальности внѣшняго міра есть одна изъ главныхъ и самыхъ трудныхъ гносеологическихъ проблемъ. Положительное рѣшеніе ея представляется весьма важнымъ во многихъ отношеніяхъ. Въ богословіи существованіе міра является логической предпосылкой нашего убѣжденія въ бытіи и свойствахъ Божества: если міра не существуетъ, то понятно, что Богъ не можетъ быть ни его творцемъ, ни промыслителемъ [1]). Въ практической жизни убѣжденіе въ реальности міра нѣкоторыми мыслителями считается (справедливо или нѣтъ,—это другой вопросъ) за conditio sine qua non права и нравственности: если матеріальныхъ вещей не существуетъ, то едва ли, говорятъ, не теряетъ всякій смыслъ такъ называемое „вещное право“ и едва-ли не становится нравственно безразличными благотворительность и скупость, воровство у ближнихъ и раздача своего имущества бѣднымъ. Наконецъ, и для науки отрицаніе внѣшняго міра также создаетъ нѣкоторыя затрудненія: какой реальный смыслъ вложимъ мы тогда въ споры о достовѣрности тѣхъ или иныхъ историческихъ фактовъ?—какъ согласить идеалистическое воззрѣніе съ интересами естествознанія, которое почти все насквозь реалистично? Вообще если даже и не объявлять неизбѣжнымъ для всякаго нормальнаго мыслителя убѣжденіе въ бытіи внѣшняго міра, то, во всякомъ случаѣ, необходимо согласиться, что отрицаніе

[1]) Раскрытіе этого положенія см. въ нашемъ изслѣдованіи „Имманентная критика раціональнаго богословія“, Харьковъ, 1899 г., стр. 15. 21. 35 и др.

его создаетъ чрезвычайно большія затрудненія для мысли. Понятно отсюда, какъ было-бы важно для насъ установить эту истину съ возможной непререкаемостью.

Но чѣмъ важнѣе извѣстная истина, тѣмъ необходимѣе позаботиться о прочности и доброкачественности ея основаній. Плохое доказательство истины хуже и вреднѣе полнаго отсутствія какого-бы то ни было доказательства. Къ такимъ неудовлетворительнымъ, въ философскомъ смыслѣ, доказательствомъ реальности внѣшняго міра мы относимъ доказательство англійскаго философа Герберта Спенсера. Какъ извѣстно, самой характерной чертой въ гносеологіи этого мыслителя является ученіе объ относительности человѣческаго знанія или релятивизмъ. Проблема реальности внѣшняго міра рѣшается имъ вполнѣ согласно съ общимъ духомъ его гносеологическихъ воззрѣній. Утверждая несовершенство и относительный характеръ нашего познанія, онъ естественно старается и истину бытія внѣшняго міра представить, какъ результатъ не яснаго убѣжденія разума, а побѣды надъ разумомъ слѣпого чувства. Понятно, что такое убѣжденіе отдаетъ человѣка всецѣло во власть *агностицизма*, со всѣми его вредными послѣдствіями для философіи, науки и религіи, такъ какъ сущность міра естественно является при этомъ непознаваемой (unknowable).

Давши на страницахъ „Вѣры и Разума“ въ 1894 году критику Спенсерова релятивизма, мы уже тѣмъ самымъ подготовили почву для отрицательнаго сужденія и о его реализмѣ. Теперь мы постараемся критическимъ разборомъ основаній Спенсерова реализма оправдать это уже преднамѣченное отчасти заключеніе.

I.

Основанія Спенсерова реализма.

Систематическое обоснованіе своего реализма Спенсеръ даетъ въ VII-ой книгѣ своихъ „Основаній психологіи“. Обоснованіе это достигается двоякимъ путемъ: *отрицательнымъ*—чрезъ критику ученій Берклея, Юма, Канта и другихъ „метафизиковъ“, какъ ихъ называетъ Спенсеръ, и *положительнымъ*—чрезъ приведеніе прямыхъ доказательствъ.

„Подъ отрицательнымъ оправданіемъ реализма, говоритъ Спенсеръ, я разумѣю доказательство того, что реализмъ опирается на свидѣтельства, имѣющія гораздо большую состоятельность, чѣмъ свидѣтельства, на которыя опирается какая-бы то ни было другая противная ему гипотеза“ [1]).

Въ своемъ опроверженіи анти-реалистическихъ ученій онъ разсматриваетъ: 1) „*предположеніе* метафизиковъ“ (гл. II), 2) „*слова* метафизиковъ“ (гл. III) и 3) „*разсужденія* метафизиковъ“ (гл. IV). Въ первомъ случаѣ, онъ старается доказать, что „метафизики исходятъ изъ безмолвнаго предположенія, которое они не сопровождаютъ никакой попыткой оправдать, которое и не можетъ быть оправдано“,—именно изъ предположенія полной правоспособности въ рѣшеніи философскихъ проблемъ спекулятивнаго разума, не вспомоществуемаго эмпиріей [2]). Во второмъ случаѣ, онъ находитъ, что „слова, употребляемыя всѣми и каждымъ изъ нихъ, оказываются словами измѣнниками, такъ что какое-бы предложеніе мы ни заставили ихъ выразить, они постоянно и упорно выражаютъ за разъ и нѣкоторое роковое противопредложеніе“, т. е. что языкъ, которымъ вынуждены пользоваться философы, всецѣло разсчитанъ на реалистическій образъ мыслей, по самой структурѣ своей есть орудіе реализма и потому очень плохо служитъ для идеалистическихъ разсужденій [3]), Наконецъ, въ третьемъ случаѣ, онъ хочетъ показать, что „разсужденія метафизиковъ упрямо сопротивляются всякой попыткѣ заставить ихъ устанавливать то, для установки чего они созданы, что они нуждаются для этого въ опорѣ того, что требуется опровергнуть, и немедленно становятся безсильными, какъ только эта опора будетъ отнята у нихъ [4]). Чтобы понять смыслъ послѣдняго возраженія, замѣтимъ, что, напримѣръ, относительно Канта онъ указываетъ на то противорѣчіе, какое образуютъ въ его системѣ субъективно-идеалистическое ученіе о вещахъ въ себѣ и ученіе объ аффицированіи [5]). Подробно излагать эту критику анти-реалистиче-

[1]) *Спенсеръ*, Основанія психологіи, русск. изд. 1867 г., т. IV, стр. 64—65.
[2]) *Ibid.* § 402, стр. 64. Ср. §§ 389—391, стр. 8—12.
[3]) *Ibid.* §§ 402. 392—394, стр. 64, 13—30.
[4]) *Ibid.* § 402, стр. 64. Ср. §§ 397 и слѣд.
[5]) *Ibid.*, стр. 59, примѣч.

скихъ гипотезъ мы не будемъ, а перейдемъ прямо къ положительному обоснованію реализма.

Положительное обоснованіе реализма состоитъ изъ *предварительныхъ* доказательствъ и изъ *прямого*. Разсмотримъ то и другое.

1. Предварительныя доказательства реализма.

Предварительныхъ доказательствъ реализма Спенсеръ даетъ *три:* а) изъ *первенства* (гл. VI), б) изъ *простоты* (гл. VII) и в) изъ *ясности* (гл. VIII). Вотъ сущность каждаго изъ нихъ.

а) „И въ исторіи всей расы, и въ исторіи каждаго индивидуальнаго духа, говоритъ Спенсеръ, реализмъ есть *первичное* представленіе (первоначальная концепція); только послѣ того, какъ это представленіе было уже достигнуто и долгое время поддерживалось, безъ малѣйшаго сомнѣнія въ его истинности, явилась затѣмъ возможность составить себѣ идеалистическое представленіе, опирающееся всетаки на реалистическое; и какъ тогда, такъ и теперь, такъ и въ будущее время идеалистическое представленіе, будучи въ прямой зависимости отъ реалистическаго, должно исчезнуть въ то самое время, когда у него будетъ отнята поддержка, доставляемая ему реалистическимъ представленіемъ“ [1]). Или въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Реалистическое представленіе повсюду и всегда, —у ребенка, у дикаря, у необразованнаго крестьянина, у самого метафизика,—предшествуетъ идеалистическому, и никакой духъ, каковъ-бы онъ ни былъ, не можетъ достигнуть до идеалистическаго представленія иначе, какъ чрезъ посредство представленія реалистическаго. Реализмъ долженъ быть уже установленъ, прежде чѣмъ можетъ быть сдѣланъ хотя шагъ къ изложенію идеализма“ [2]).

---

[1]) *Ibid.* § 406, стр. 72.

[2]) *Ibid.* Для доказательства этого своего взгляда Спенсеръ употребляетъ, какъ онъ выражается, „біографію души ребенка“ и представленіе о вещахъ, общее взрослому дикарю и необразованному сельскому жителю (стр. 67 и слѣд.). Здѣсь онъ спрашиваетъ: „на какомъ году мальчикъ начинаетъ употреблять слова на—*ніе* (*—ation*), и сколько лѣтъ должно пройти, прежде чѣмъ станетъ возможнымъ объяснить ему смыслъ слова *ощущеніе* (*sensation*)?“—и находитъ, что первая составная часть слова, *sense* (чувство), долгое время остается непонятною для него.

Вопреки своему предшественнику, въ исторіи новѣйшей англійской эмпирической философіи, Д. С. Миллю, Спенсеръ совершенно отрицаетъ положеніе, обыкновенно являющееся аксіомой всякой гносеологіи,—„что мы первоначально сознаемъ только наши ощущенія; что мы навѣрное знаемъ, что имѣемъ эти ощущенія; и что если существуетъ что-либо, находящееся внѣ ихъ и служащее ихъ причиною, то оно можетъ быть познано только путемъ заключеній, выведенныхъ изъ этихъ ощущеній“ [1]). Онъ, напротивъ, утверждаетъ, что вещь, узнаваемая нами первоначально, есть не то, что мы испытали нѣкоторое ощущеніе, а то, что тутъ существуетъ какой-то внѣшній объектъ“. Вмѣсто того, чтобы допустить, что первичное и несомнѣнное знаніе есть существованіе ощущенія, онъ утверждаетъ наоборотъ, что „существованіе ощущенія есть гипотеза, которая не можетъ быть составлена, пока мы еще не знаемъ внѣшняго существованія [2]).

Идеалистическое воззрѣніе, по мнѣнію Спенсера, могло явиться только послѣ пріобрѣтенія прочнаго навыка въ выкидываніи разныхъ умственныхъ salto mortale. Въ этомъ случаѣ, онъ сравниваетъ метафизика съ микроскопистомъ. Послѣдній пріобрѣтаетъ особую способность „двигать объекты подъ микроскопомъ такимъ образомъ, чтобы нейтрализировать кажущіяся извращенія ихъ движеній. Это приспособленіе, состоящее въ томъ, что когда объектъ долженъ быть передвинутъ направо, пальцы должны совершить движеніе налѣво, и когда объектъ

Что-же касается до значенія окончанія *ation*, то нѣтъ рѣшительно никакой возможности, чтобы онъ узналъ его ранѣе того, когда способность образовать отвлеченія разовьется у него уже въ довольно значительной степени. А вдвойнѣ сложный терминъ *sensation* остается для него безъ всякаго смысла въ теченіе еще болѣе долгаго времени“ (стр. 68). Затѣмъ, по словамъ Спенсера, „ни одинъ изъ крошечныхъ обитателей дѣтской не говоритъ о себѣ, какъ о я. Онъ смотритъ на себя, какъ на объектъ“ (ibid). Далѣе,—„у дикаря понятіе о личномъ тожествѣ... развито столь несовершенно, что онъ не можетъ образовать себѣ того сознанія, которое метафизикъ считаетъ за первобытное“. То-же надо сказать и о сельскомъ работникѣ: „вы не имѣете никакой возможности показать ему, что онъ знаетъ только свои собственныя ощущенія, не предположивъ, что онъ уже имѣетъ сознаніе о всѣхъ тѣхъ вещахъ и перемѣнахъ, которыя суть причины его ощущеній“ (стр. 70).

[1]) *Ibid.* § 404, стр. 67.

[2]) *Ibid.*

долженъ быть подвинутъ вверхъ, пальцы должны двигаться внизъ, послѣ долгаго упражненія становится автоматическимъ и начинаетъ казаться совершенно естественнымъ, до такой степени естественнымъ, что когда въ виду нѣкоторыхъ цѣлей, приходится употреблять „исправляющее стекло“, которое приводитъ видимыя въ нихъ обыкновенныя отношенія съ осязательными движеніями, то эти отношенія кажутся неестественными, и микроскопистъ въ такой-же мѣрѣ сбивается съ толку этой нормальной связью впечатлѣній, въ какой онъ смущается первоначально ихъ ненормальной связью между собою... Таково и положеніе, которое вслѣдствіе привычки занялъ духъ метафизиковъ. Метафизикъ такъ привыкъ смотрѣть чрезъ интроспективный инструментъ, извращающій послѣдовательность его опытовъ, что эта обратная послѣдовательность принимается имъ за прямую, и когда его заставляютъ смотрѣть чрезъ „исправляющее стекло“, возстановляющее послѣдовательность въ ея настоящемъ видѣ, все кажется ему перевернутымъ не въ ту сторону, куда слѣдуетъ“ [1]).

б) Доказательство изъ *простоты* сводится Спенсеромъ къ слѣдующему разсужденію: „Показаніе сознанія, приводящее насъ къ реализму, или непосредственно, или посредственно. Если оно непосредственно, то противникъ долженъ сдаться, и споръ прекратиться. Если оно—посредственно, то оно можетъ быть сравниваемо въ своей внутренней природѣ съ тѣмъ показаніемъ сознанія, которое, какъ говорятъ, приводитъ къ идеализму, такъ какъ это послѣднее также посредственно. Такъ какъ они оба посредственны, то является вопросъ: чѣмъ же они различаются между собою? Изслѣдуя этотъ вопросъ, мы находимъ, что первое изъ нихъ содержитъ лишь одинъ посредственный актъ, между тѣмъ какъ второе заключаетъ въ себѣ рядъ посредственныхъ актовъ, изъ которыхъ каждый самъ составленъ изъ многихъ посредственныхъ актовъ“ [2]).

---

[1]) *Ibid.* § 403, стр. 66—67.

[2]) *Ibid.* § 409, стр. 76. Для доказательства этого Спенсеръ отмѣчаетъ то обстоятельство, что развитіе идеалистической гипотезы *необходимо* распадается, по меньшей мѣрѣ, на *три* момента, представляющихъ каждый *серію выводовъ*: 1) доказательство выводнаго характера реалистическаго убѣжденія,—вопреки мнѣнію, будто оно есть непосредственное свидѣтельство сознанія; 2) доказательство не-

Такимъ образомъ, актъ сознанія, на которой опирается реализмъ, проще акта сознанія, служащаго опорой идеализма; а что проще, то и достовѣрнѣе.

Послѣднее свое положеніе о большей достовѣрности простѣйшаго Спенсеръ старается подкрѣпить очень остроумными сравненіями. „Пуля направленная въ мишень, стоящую на разстояніи 100 ярдовъ, можетъ не попасть въ нее; но если мишень будетъ находиться въ разстояніи 1000 ярдовъ, то вѣроятность промаха будетъ гораздо меньше. Проходя замерзшее озеро въ 1/4 мили шириною вы очень легко можете поскользнуться по дорогѣ и упасть; но если это озеро шириною будетъ въ милю, то очень мало вѣроятности, чтобы вы поскользнулись, переходя черезъ него. Выйдя погулять на часокъ въ апрѣлѣ, вы имѣете довольно значительный шансъ на то, чтобы быть захваченнымъ ливнемъ; но если ваша прогулка займетъ цѣлый день, то шансъ быть захваченнымъ ливнемъ сравнительно очень невеликъ. Эти предложенія, кажущіяся столь чудовищно нелогичными, могутъ служить намъ чрезвычайно рельефными примѣрами нелѣпицы, проникающей собою метафизическія заключенія. Ибо, если мы сравнимъ между собою тотъ умственный процессъ, результатомъ котораго является реализмъ, и тотъ умственный процессъ, посредствомъ котораго, по словамъ метафизиковъ, мы приходимъ къ идеализму или скептицизму, то мы поймемъ, что, помимо другихъ различій, эти два процесса страшно различаются между собою по своей длинѣ. Одинъ такъ простъ и прямъ, что кажется неразложимымъ; между тѣмъ какъ другой,—длинный, сложный и непрямой,— не только разложимъ, но еще требуетъ большого искусства, чтобы составить его“ [1]).

состоятельности этихъ выводовъ, или опроверженіе реализма; 3) положительное обоснованіе идеализма или скептицизма. А между тѣмъ для реалистической гипотезы достаточна лишь *одна* серія доводовъ, именно положительныхъ. „Допустимъ, говоритъ Спенсеръ, что знаніе внѣшняго объекта достигается посредствомъ синтеза. Не очевидно-ли, что доказательствомъ его синтетическаго происхожденія само состоитъ изъ синтезовъ, изъ которыхъ каждый гораздо сложнѣе того, о которомъ идетъ дѣло“ (стр. 74—75)? Затѣмъ, уже самый *тезисъ* идеализма (напр., у Берклея: „идеи существуютъ въ духѣ“) уже „содержитъ въ себѣ *три* синтеза“ (стр. 75)! А конечный результатъ идеалистическихъ разсужденій есть уже „синтезъ синтезовъ синтезовъ“ (стр. 76)!

[1]) *Ibid* § 407, стр. 73.

в) Доказательство изъ *ясности* резюмируется Спенсеромъ такимъ образомъ: „Если-бы показанія сознанія, ведущія къ реализму, и показанія сознанія, ведущія къ идеализму, были даже сходны между собою со всѣхъ другихъ сторонъ по степени своей состоятельности; то всетаки, въ виду того, что реалистическое показаніе дается въ терминахъ наивысшей возможной ясности, между тѣмъ какъ идеалистическое показаніе дается въ терминахъ чрезвычайной неясности, идеалистическое показаніе не можетъ быть принято, если не допустить, что вещи всего вѣрнѣе узнаются нами именно тогда, когда онѣ воспринимаются всего слабѣе“ [1]).

Окончивъ изложеніе предварительныхъ доказательствъ реализма, Спенсеръ предлагаетъ для ясности конечный результатъ этихъ доказательствъ въ видѣ трехъ слѣдующихъ положеній:

1) „Реалистическое представленіе предшествуетъ идеалистическому въ порядкѣ времени; и идеалистическое представленіе не можетъ быть построено при его отсутствіи. Первое совершенно независимо; второе зависимо отъ перваго; и идеалистъ, утверждая то, что зависимо, отрицаетъ то, отъ чего оно зависитъ“.

2) „Сознаніе, на которое опирается реализмъ, достигается посредствомъ одного выводнаго акта; между тѣмъ какъ сознаніе, достигаемое идеализмомъ (по его увѣренію) достигается имъ посредствомъ ряда выводныхъ актовъ. Идеалистъ предлагаетъ, чтобы мы, не довѣряя одному выводному акту, вѣрили ряду такихъ актовъ“.

3) „Элементы того акта мысли, который даетъ въ результатѣ реализмъ, чрезвычайно живы и абсолютно опредѣленны; между тѣмъ какъ элементы каждаго изъ тѣхъ актовъ мысли, которые, говорятъ, доставляютъ въ своемъ результатѣ идеализмъ, чрезвычайно слабы и очень неопредѣленны. Отъ насъ требуютъ, чтобы мы допустили всѣ эти послѣдовательные результаты, данные въ слабыхъ, неопредѣленныхъ терминахъ; и потомъ, въ силу ихъ, отбросили-бы результатъ, данный въ живыхъ, опредѣленныхъ терминахъ“ [2]).

[1]) *Ibid.* § 412, стр. 80.
[2]) *Ibid.* § 413, стр. 81.

2. Прямое доказательство реализма.

Прямое доказательство реализма дается Спенсеромъ при помощи устанавливаемаго имъ „критерія истины“—въ главахъ IX—XIX. Это очень сложное доказательство распадается на два момента: а) отысканіе критерія (гл. IX—XII) и б) его приложеніе (гл. XIII—XIX).

а) Хотя приведенныя выше предварительныя доказательства реализма, по мнѣнію Спенсера, и обладаютъ высокой убѣдительностью, такъ что идеалистическія ученія могутъ не казаться странными лишь тому, кто путемъ долгихъ упражненій пріобрѣлъ уже достаточный навыкъ въ „искусствѣ сбивать себя съ толку строго методическимъ образомъ“ [1]),—однако онъ сознается, что „доказательство реалиста оказывается обыкновенно безуспѣшнымъ потому, что оно не опирается на нѣкоторую общепризнанную истину, которую обязанъ-бы былъ признать также и идеалистъ“ [2]). Такимъ образомъ открывается нужда въ *критеріи истины*. Выставленныя Гамильтономъ, въ качествѣ аксіомъ всякаго философскаго изслѣдованія, положенія,—1) что „мы должны считать сознаніе достовѣрнымъ, пока не будетъ доказано, что оно лживо“, и 2) что „лживость сознанія можетъ считаться доказанной, когда его данныя, непосредственно сами въ себѣ, или посредственно въ ихъ необходимыхъ слѣдствіяхъ оказываются стоящими во взаимномъ противорѣчіи“,—Спенсеръ не находитъ удобнымъ принять, потому что они содержатъ въ себѣ „предположеніе достовѣрности частныхъ актовъ сознанія“, а это привело-бы къ чрезвычайному легковѣрію и совершенной некритичности [3]). Если-же „допущеніе достовѣрности сознанія *вообще* не доставляетъ намъ никакой помощи“, то, полагаетъ Спенсеръ, „остается заключить, что существуетъ нѣкоторый *особенный видъ* сознанія, который долженъ считаться достовѣрнымъ, сравнительно со всѣми другими его видами“ [4]),—„долженъ существовать гдѣ-либо, въ какой либо формѣ, нѣкоторый

[1]) *Ibid.*, стр. 82.
[2]) *Ibid.* § 415, стр. 83.
[3]) *Ibid.*, стр. 84 и слѣд.
[4]) *Ibid.*, стр. 85.

основной актъ мысли, посредствомъ котораго можетъ быть опредѣляема состоятельность другихъ актовъ мысли“ [1]). И дѣйствительно, Спенсеръ показываетъ, что какъ идеалисты, такъ и эмпирики должны признать и признаютъ, что они стоятъ „на нѣкоторой данной, предшествующей разуму и лежащей подъ нимъ въ качествѣ основанія“ [2]). Чтобы отыскать критерій истинности, по мнѣнію Спенсера, необходимо „найти нѣчто такое, что всѣ спорящія стороны принимали-бы за трансцендентальную достовѣрность“ [3]).

Доказавъ, такимъ образомъ, необходимость критерія, Спенсеръ въ гл. X—XII разсуждаетъ о томъ, „гдѣ слѣдуетъ искать этого критерія, что онъ такое и какимъ образомъ онъ долженъ быть прилагаемъ“ [4]).

Въ X главѣ онъ разсматриваетъ „различіе предложеній по качеству“ и приходитъ къ слѣдующему выводу: „Есть такія предложенія, сказуемыя которыхъ всегда существуютъ вмѣстѣ съ своими подлежащими; и есть другія предложенія, сказуемыя которыхъ не всегда существуютъ съ своими подлежащими. Предложенія перваго класса выражаютъ такія познаванія, въ которыхъ утверждаемая вещь продолжаетъ находиться передъ сознаніемъ все то время, пока вещь, о которой она утверждается, тоже продолжаетъ находиться передъ сознаніемъ; предложенія второго класса выражаютъ такія познаванія, въ которыхъ утверждаемая вещь можетъ исчезнуть изъ сознанія, между тѣмъ какъ вещь, о которой она утверждается, еще остается передъ нимъ. Это—познаванія, которыя мы принимаемъ необходимымъ образомъ, и познаванія, которыя мы принимаемъ не-необходимымъ образомъ“ [5]). Второй классъ онъ оставляетъ безъ вниманія, потому что не видитъ здѣсь познанія въ собственномъ смыслѣ [6]). Относительно-же перваго онъ

---

[1]) *Ibid.*, § 416, стр. 86—87.
[2]) *Ibid.* §§ 418—419, стр. 88—89.
[3]) *Ibid.* § 419, стр. 89—90.
[4]) *Ibid.*
[5]) *Ibid.* § 425, стр. 100.
[6]) Отмѣчаемъ здѣсь любопытное совпаденіе съ *Кантомъ*, по которому имени познаній достойны только такія, которыя отличаются характеромъ всеобщности и необходимости.

ставитъ вопросъ: „Какимъ образомъ удостовѣряемся мы въ неизмѣнности существованія сказуемаго вмѣстѣ съ его подлежащимъ“? [1]) Рѣшенію этого вопроса и посвящаются двѣ слѣдующія главы,—о „всеобщемъ постулятѣ“ и о „критеріѣ относительной состоятельности“.

„Чтобы удостовѣриться, говоритъ Спенсеръ, дѣйствительно-ли извѣстное сказуемое неизмѣнно существуетъ съ извѣстнымъ подлежащимъ, намъ ничего не остается, какъ только поискать такого случая, гдѣ-бы это подлежащее существовало безъ этого сказуемаго. При такомъ розыскѣ мы стараемся или замѣстить это неизмѣнно существующее сказуемое какимъ-либо другимъ, или просто вытѣснить его совсѣмъ изъ сознанія, не замѣщая его ничѣмъ инымъ. Это есть то самое, что, при другомъ способѣ выраженія, мы назвали-бы попыткою, представить себѣ отрицаніе предложенія... [2]) *Моя неудача представить себѣ это отрицаніе* есть открытіе того, что здѣсь вмѣстѣ съ подлежащимъ *неизмѣнно существуетъ и сказуемое*“ [3]). На этомъ основаніи онъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свой критерій: „*Немыслимость отрицанія* даннаго познанія есть тотъ признакъ, который показываетъ, что это познаваніе принадлежитъ къ самому высокому рангу; это есть тотъ *критерій*, въ силу котораго мы узнаемъ его состоятельность,—состоятельность самаго высокаго возможнаго характера. Коль скоро отрицаніе познаванія мыслимо, то открытіе этого обстоятельства равносильно открытію того, что мы обязаны принимать его. А познаніе, которое мы обязаны такимъ образомъ принимать, есть познаніе, характеризуемое нами, какъ имѣющее самую высокую возможную достовѣрность. Утверждать

---

1) *Ibid.*, стр. 103.

2) Примѣръ: „Если, прикоснувшись къ какому-нибудь предмету въ темнотѣ и получивъ мгновенно сознаніе о нѣкоторомъ протяженіи, какъ о сопровождающемъ здѣсь сопротивленіе, я пожелаю рѣшить, дѣйствительно-ли предложеніе: «все, что оказываетъ сопротивленіе, обладаетъ протяженіемъ»»—выражаетъ познаніе самой высокой достовѣрности, то какъ я поступлю въ этомъ случаѣ? Я попробую отмыслить прочь протяженіе отъ сопротивленія. Я думаю о сопротивленіи и пытаюсь не пускать протяженія въ свою мысль. Я испытываю въ этой попыткѣ абсолютную неудачу. Я не могу себѣ представить отрицаніе предложенія: все, что сопротивляется,—протяженно“ (стр. 105).

3) *Ibid.* § 426, стр. 104—105.

немыслимость его отрицанія значитъ въ то-же самое время утверждать психологическую необходимость для насъ думать его и давать наше логическое оправданіе признанію его за несомнѣнное“ [1]).

Опредѣливъ критерій и разъяснивъ основное входящее въ него понятіе *немыслимости*, Спенсеръ старается *доказать* его. Доказательство ведется *косвеннымъ* путемъ,—чрезъ опроверженіе возраженій *Милля* [2]) и *Гамильтона* [3]). Съ этими возраженіями, равно какъ и съ характеромъ и достоинствами Спенсеровыхъ опроверженій, мы познакомимся при критикѣ ученія Спенсера.

„Критерій относительной состоятельности“ Спенсеръ формулируетъ такимъ образомъ: „*Наиболѣе достовѣрное заключеніе есть то, которое содержитъ въ себѣ постулятъ наименьшее число разъ*“ [4]). Это значитъ, что чѣмъ *короче* аргументація, и чѣмъ рѣже въ теченіе ея дѣлается ссылка на *непосредственную очевидность*. На этомъ, какъ мы видѣли, построенъ у Спенсера въ пользу реализма доводъ „отъ простоты“. Доказывается-же этотъ взглядъ на критерій относительной состоятель-

---

[1]) *Ibid.*, стр. 105—106. „Значеніе слова *немыслимый* (inconceivable), говоритъ Спенсеръ, стало неопредѣленнымъ вслѣдствіе постоянныхъ злоупотребленій. Люди, желая выразить свое недовѣріе къ сообщаемой имъ вещи, употребляютъ съ этою цѣлью это слово; и такимъ образомъ слово *немыслимый* стало для многихъ равнозначущимъ слову *невѣроятный* (incredible)... Немыслимое предложеніе есть такое, термины котораго не могутъ ни при какомъ усиліи быть поставлены предъ сознаніемъ въ томъ отношеніи, которое утверждается между ними предложеніемъ,— т. е., такое, подлежащее и сказуемое котораго представляютъ непреодолимое затрудненіе къ соединенію ихъ въ мысли. Невѣроятное предложеніе есть такое, которое можетъ быть построено въ мысли, но которое такъ сильно расходится съ нашей опытностью, гдѣ термины его обыкновенно бываютъ соединены между собою другимъ образомъ, что эти термины не могутъ быть приведены въ мысли въ утверждаемое предложеніемъ отношеніе безъ усилія. Такъ, напримѣръ,—невѣроятно предложеніе, будто-бы пушечное ядро, выстрѣленное изъ Англіи, можетъ достигнуть до Америки, но оно не немыслимо. Наоборотъ, предложеніе,—будто-бы одна сторона треугольника равняется суммѣ остальныхъ двухъ его сторонъ, не только невѣроятно, но и немыслимо... *Немыслимое предложеніе—такое, въ которомъ подлежащее и сказуемое не могутъ быть соединены въ одной и той-же интуиціи*“ (§ 427, стр. 106—107).

[2]) *Ibid.* §§ 428—431, стр. 107—120.

[3]) *Ibid.* § 432, стр. 120—122.

[4]) *Ibid* § 437, стр. 133.

ности слѣдующими соображеніями: „Погрѣшителенъ ли нашъ критерій, или нѣтъ,—вѣроятность ошибки для каждаго заключенія будетъ увеличиваться пропорціонально числу разъ, которое предполагалась истинность этого критерія во время достиженія даннаго заключенія. Если даже постулятъ единообразно состоятеленъ, то всетаки въ силу того, что мы склонны къ погрѣшностямъ, можетъ нерѣдко случиться, что мы будемъ иной разъ думать, что имѣемъ за себя ручательство этого постулята, тогда какъ мы вовсе его не имѣемъ; и очевидно, что въ каждомъ случаѣ наши шансы на то, чтобы совершить такую погрѣшность, будутъ измѣняться прямо пропорціонально тому, сколько разъ намъ приходилось ссылаться на ручательство постулята. Если-же постулятъ не единообразно состоятеленъ, то у насъ является новый источникъ заблужденія, дѣйствіе котораго измѣняется въ той-же самой пропорціи. Вслѣдствіе этого, при какомъ угодно предположеніи, самымъ достовѣрнымъ заключеніемъ должно быть то, къ которому мы приходимъ, отправившись отъ самаго постулята, посредствомъ наименьшаго числа новыхъ допущеній этого постулята“ [1]). Спенсеру кажется, будто гораздо достовѣрнѣе, что 2+2=4, чѣмъ 5+7+6+9+8=35. А въ отношеніи логическаго доказательства онъ утверждаетъ, что „мы теряемъ вѣру въ длинный рядъ ступеней, какими-бы логическими онѣ ни казались, и обыкновенно стараемся провѣрить заключеніе обращеніемъ къ факту,—т. е., *мы довѣрчиво принимаемъ заключеніе только тогда, когда оно было провѣрено* употребленіемъ постулята всего одинъ разъ“ [2]).

б) Въ XIII главѣ Спенсеръ старается показать, что для достиженія реалистическаго убѣжденія дѣлается гораздо меньшее число допущеній, чѣмъ для достиженія идеалистическаго или скептическаго [3]), и отсюда дѣлаетъ выводъ: „Находя, что всякая гипотетическая сомнительность реалистическаго представленія превышается въ несравненно большей мѣрѣ сомнительностью всякой антиреалистической аргументаціи,—мы находимъ въ этомъ оправданіе реализма“ [4]).

[1]) *Ibid.* § 435, стр. 128

[2]) *Ibid.*, стр. 128—129.

[3]) *Ibid.* § 438, стр. 134 и слѣд.

[4]) *Ibid.* § 441, стр. 141.

Послѣ этого, такъ сказать, непосредственнаго слѣдствія изъ „всеобщаго постулята, которое является приложеніемъ послѣдняго къ полученному ранѣе результату сравненія реалистической и антиреалистической гипотезъ,—Спенсеръ даетъ уже самое „положительное оправданіе реализма". Это доказательство ведется путемъ *психологическимъ*, чрезъ анализъ сознанія, направляющійся, согласно съ „всеобщимъ постулятомъ", къ тому, чтобы показать *психологическую неизбѣжность* реалистическаго убѣжденія для здороваго и правильно дѣйствующаго сознанія. „Реализмъ, говоритъ Спенсеръ, долженъ считаться оправданнымъ положительнымъ путемъ, если будетъ доказано, что онъ есть показаніе сознанія, дѣйствующаго по своимъ собственнымъ законамъ. Когда будетъ доказано, что тѣ акты мысли, которые доставляютъ намъ антитезу субъекта и объекта, суть нормальные акты мысли, совершенно сходные съ тѣми, посредствомъ которыхъ устанавливаются истины, считаемыя нами за наиболѣе достовѣрныя, тогда мы не будемъ въ правѣ требовать никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ" [1]). Поэтому онъ и хочетъ „изслѣдовать образованіе (fabric) самаго сознанія, чтобы узнать, какимъ образомъ соединены между собою его составные элементы. Окончательный отвѣтъ на вопросъ,—почему мы думаемъ извѣстныя вещи предпочтительно предъ другими?—зависитъ отъ рѣшенія вопроса,—почему наши состоянія сознанія связаны между собою такимъ образомъ, а не другимъ?" [2]).

Въ XV главѣ, озаглавленной: „Динамика сознанія", Спенсеръ разъясняетъ, что „предложенія различаются между собою по той легкости, съ которою данныя состоянія вступаютъ во взаимную связь и разъединяются другъ отъ друга" [3]);—что психологія

[1]) *Ibid.* § 443, стр. 143. [2]) *Ibid.*

[3]) *Ibid.* § 445, стр. 145. Примѣры: „Душевное состояніе, означаемое словомъ *бурый*, можетъ соединяться съ тѣми душевными состояніями, которыя составляютъ фигуру, означаемую словомъ *птица*, безъ всякаго замѣтнаго усилія,—или можетъ быть отдѣляемо отъ этихъ состояній тоже безъ всякаго замѣтнаго усилія, т. е. птица легко можетъ быть мыслима черной, зеленой или желтой. Наоборотъ: разсматривая такое утвержденіе, какъ—„ледъ былъ горячъ", изслѣдователь найдетъ очень труднымъ привести свой умъ въ соотвѣтствіе съ этимъ предложеніемъ. Элементы этого предложенія не могутъ быть поставлены рядомъ въ мысли безъ большого сопротивленія". *Ibid.*

можетъ открыть, „что нѣкоторыя изъ состояній сознанія такъ сплавлены между собою, что всѣ другія звенья въ цѣпи сознанія могутъ разорваться, прежде чѣмъ эти раздадутся хоть немного“ [1]). Всякое умственное изслѣдованіе достовѣрности какого-либо положенія есть, въ сущности, проба разъединить его элементы. „Разсужденіе, имѣющее мѣсто въ сознаніи, оказывается просто испытаніемъ сравнительной силы различныхъ связей въ сознаніи,—систематической борьбой, служащей для опредѣленія того, какія изъ этихъ состояній суть наименѣе связныя. Результатъ-же этой борьбы тотъ, что наименѣе связныя состоянія сознанія раздѣляются одни отъ другихъ, а наиболѣе связныя остаются вмѣстѣ, образуя предложеніе, сказуемое котораго постоянно существуетъ въ духѣ вмѣстѣ съ своимъ подлежащимъ“ [2]). Отсюда выводъ: „если существуютъ какія-либо неразрывныя связи, то изслѣдователь долженъ принимать ихъ“ [3]).

Переходя отсюда къ вопросу о реализмѣ, Спенсеръ утверждаетъ: „Какъ ни таинственнымъ можетъ показаться изслѣдователю сознаніе чего-то, что находится однако внѣ сознанія, тѣмъ не менѣе онъ находитъ, что онъ утверждаетъ реальность этого нѣчто въ силу основнаго закона мысли,—т. е., что онъ принужденъ думать такимъ образомъ. Онъ находитъ, что въ немъ существуетъ неразрывная связь между каждымъ изъ тѣхъ живыхъ и опредѣленныхъ состояній сознанія, которыя извѣстны, какъ ощущенія, и нѣкоторымъ неопредѣленнымъ сознаніемъ, которое представляетъ собою нѣкоторую форму бытія, существующую внѣ сознанія и отдѣльнаго отъ него самого“ [4]).

Чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что реалистическая гипотеза есть психологическая необходимость, Спенсеръ счи-

---

[1]) *Ibid.*, стр. 147.

[2]) *Ibid.*, стр. 148.

[3]) *Ibid.* § 447, стр. 148.

[4]) *Ibid.* § 448, стр. 150. Примѣръ: „Когда человѣкъ береть вилку и кладетъ ею въ ротъ кусокъ пищи, онъ бываетъ совершенно неспособенъ изгнать изъ своего духа понятіе о чемъ—то, что сопротивляется употребляемой имъ силѣ; и онъ не можетъ подавить рождающейся въ немъ мысли о нѣкоторомъ независимомъ существованіи, раздѣляющемъ собою его языкъ отъ нёба и доставляющемъ ему то ощущеніе вкуса, которое онъ неспособенъ породить въ сознаніи посредствомъ своей собственной дѣятельности“.—*Ibid.*

таетъ нужнымъ „разсмотрѣть связь между элементами сознанія, взятаго во всемъ его цѣломъ, и поглядѣть, существуютъ ли тутъ такія абсолютныя связи, которыя раздѣляли-бы и сгруппировали всѣ элементы сознанія въ двѣ антитетическія половины, представляющія: одна—субъектъ, а другая—объектъ“ [1]). Другими словами, онъ даетъ исторію раздѣленія въ нашемъ сознаніи понятій субъекта и объекта. Это онъ дѣлаетъ въ главахъ *XVI—XVIII*. Мы не послѣдуемъ за нимъ въ этихъ изысканіяхъ, съ одной стороны, чтобы не удлинять и безъ того нѣсколько затянувшагося изложенія, а съ другой,—потому, что признаемъ такую постановку гносеологической проблемы принципіально несостоятельной, что̀ и надѣемся показать въ ниже слѣдующей критикѣ Спенсерова ученія.

XIX глава („Преобразованный реализмъ“) представляетъ изъ себя, какъ выражается Спенсеръ, résumé разнообразныхъ спеціальныхъ заключеній, добытыхъ въ обширной аргументаціи предъидущихъ 18 главъ. Въ этой-же главѣ онъ дѣлаетъ и характеристику своего реализма, какъ именно „преобразованнаго (transfigured)“ въ отличіе отъ грубаго или наивнаго. Сущность этого реализма состоитъ въ утвержденіи, что наше познаніе представляетъ изъ себя родъ „символизма, въ которомъ, не смотря на чрезвычайное несходство между символомъ и дѣйствительностью, существуетъ точное, хотя и не прямое, соотвѣтствіе между измѣнчивыми отношеніями другъ къ другу составныхъ частей перваго и измѣнчивыми отношеніями другъ къ другу составныхъ частей второго“ [2]).

---

[1]) *Ibid.* § 449, стр. 151.

[2]) *Ibid.* § 473, стр. 194. Въ поясненіе Спенсеръ приводитъ примѣръ соотвѣтственныхъ измѣненій въ положеніи деревяннаго кубическаго обрубка и въ его перспективномъ изображеніи на плоскости или цилиндрической поверхности (стр. 193—195). „Здѣсь, по его словамъ, мы имѣемъ такую символизацію, въ которой ни составные элементы символа, ни ихъ отношенія между собою, ни законы измѣненія этихъ отношеній не сходны ни въ малѣйшей степени съ составными элементами, ихъ взаимными отношеніями и законами измѣненія этихъ отношеній въ символизируемой вещи. И однако-же реальность и символъ такъ тѣсно связаны здѣсь другъ съ другомъ, что всякому возможному перераспредѣленію въ томъ plexus (сплетеніи), которое составляетъ первую изъ нихъ, соотвѣтствуетъ точно эквивалентное перераспредѣленіе въ plexus, составляющемъ другой изъ нихъ“ (стр. 195).

II.

Критика Спенсерова реализма.

Приступая къ разбору и критикѣ Спенсерова реализма, мы должны, въ интересахъ справедливости, сказать, что его доводы способны производить очень сильное впечатлѣніе и, пожалуй, даже весьма „убѣдительны“,—если только убѣдительность понимать въ нѣсколько особомъ смыслѣ, не въ логическомъ, а, такъ сказать, въ гомилетическомъ. Искусно подобранные примѣры, искренность и степенность тона, самый характеръ защищаемаго воззрѣнія, столь всѣмъ намъ близкаго и—можно сказать—родного, отъ котораго всѣ мы отрѣшаемся только на время философскихъ изысканій, а въ остальное время имъ живемъ и руководимся,—все это положительно подкупаетъ въ пользу автора. Читая эти доказательства, вполнѣ понимаешь, почему многимъ кажется, будто лишь „придирчивость перешколеннаго мышленія“, какъ выразился однажды нѣмецкій философъ Риль, можетъ настаивать на большей достовѣрности феноменалистическаго міропониманія. Въ этомъ мы признаемъ безспорную силу Спенсеровскаго реализма. Людей, которые отъ философской теоріи требуютъ не строгихъ доказательствъ, а простой убѣдительности, которая часто Богъ вѣсть отъ чего зависитъ, разсужденія Спенсера способны безусловно покорять себѣ. Какъ энергичная исповѣдь инстинктивнаго общечеловѣческаго убѣжденія, эти разсужденія не имѣютъ себѣ ничего подобнаго въ философской литературѣ. Но философское знаніе не можетъ удовлетворяться только убѣдительностью истины. Оно требуетъ, чтобы истинное было въ то-же время *достовѣрнымъ*, т. е., допускало-бы провѣрку своей истинности по обязательнымъ для разума критеріямъ. Въ особенности это имѣетъ значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная истина важна не только *сама по себѣ*, но и какъ *основа для доказательства* другихъ истинъ, нуждающихся въ непререкаемой достовѣрности своихъ основаній (такова, напримѣръ, истина бытія Божія). Вотъ съ этой-то точки зрѣнія мы и не можемъ признать большой цѣнности за разсужденіями Спенсера.

Особенно-же въ нихъ неудаченъ самый начальный шагъ, образующій первое или *отрицательное* доказательство реализма.

Въ своемъ *отрицательномъ доказательствѣ* реалистическаго тезиса, состоящемъ въ опроверженіи разныхъ идеалистическихъ ученій, Спенсеръ высказывается противъ того „безмолвнаго предположенія метафизиковъ", будто разуму принадлежитъ верховный авторитетъ въ рѣшеніи философскихъ вопросовъ. Онъ называетъ это „самопослѣднимъ видомъ суевѣрія" [1]) и, устраивая, какъ онъ выражается, „судебное разбирательство дѣла разума versus воспріятія", находитъ притязанія перваго совершенно не мотивированными и въ искѣ ему отказываетъ [2]). Вотъ протоколъ этого любопытнаго судебнаго разбирательства: „Если притязаніе разума на высшую достовѣрность, говоритъ Спенсеръ, будутъ отвергнуты его противникомъ, то разумъ не будетъ въ состояніи оправдать его какъ нибудь иначе, какъ только съ помощью нѣкотораго процесса самаго же разума. Но коль скоро дѣло идетъ о доказательствѣ состоятельности разума вообще, то и этотъ процессъ не можетъ быть принятъ за оправданіе безъ предварительнаго доказательства его состоятельности. Состоятельность разума принимается уже за доказанную въ каждомъ аргументѣ, съ помощью котораго желаютъ показать высшую достовѣрность разума. А потому здѣсь не можетъ быть ничего, кромѣ скрытаго petitio principii. Если изъ двухъ свидѣтелей А и В, явившихся въ судъ свидѣтельствовать каждый въ свою пользу, А утверждаетъ одну вещь, а В совершенно противоположную вещь, то В ничуть не увеличиваетъ достовѣрности своего свидѣтельства многочисленностью своихъ утвержденій, когда каждое изъ этихъ утвержденій принимаетъ уже за доказанную его достовѣрность. Итакъ, разумъ абсолютно неспособенъ оправдать своего притязанія: это притязаніе было съ самаго начала только предположеніемъ; предположеніемъ же оно должно остаться и до самаго конца" [3]). Что разуму принадлежитъ верховная компетенція въ вопро-

[1]) Осн. псих. т. IV, § 390, стр. 10.
[2]) *Ibid.* § 391, стр. 12.
[3]) *Ibid.*

сахъ всякаго знанія,—это такая самоочевидная и даже банальная истина, которую какъ-то неловко и отстаивать. Въ особенности неловко видѣть, что оспариваетъ ее философъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя и вообразить себѣ большаго ослѣпленія и большей близорукости, чѣмъ тѣ, которыя обнаруживаетъ Спенсеръ въ этомъ мнимомъ судѣ надъ разумомъ. Какими началами руководится самое это судебное разбирательство?—началами разума. „Petitio principii", какъ признакъ формальной несостоятельности,—какой это критерій—это логическій критерій, т. е., опять таки принадлежащій разуму! Вообще, если бы разумъ потребовалъ у своихъ противниковъ назадъ всѣ свои акціи, вѣроятно имъ не на что было бы и начать судебный процессъ. Въ этомъ quasi судѣ отношеніе сторонъ указано совершенно фальшиво: отвѣтчикомъ долженъ являться не разумъ, а воспріятіе. Если задать эмпирическому познанію вопросъ,—способно-ли оно хоть одинъ шагъ сдѣлать безъ помощи разума, то можно быть заранѣе увѣреннымъ въ его безотвѣтности. Нѣтъ! не отрицаніе правъ разума можетъ служитъ къ опроверженію идеалистическихъ ученій, а лишь предъявленіе имъ болѣе строгихъ условій разсудочной достовѣрности, или представленіе съ своей стороны доказательствъ, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ. Спенсеръ называетъ вѣру въ верховную компетенцію разума „суевѣріемъ". Пусть будетъ такъ;—но безъ этого „суевѣрія" невозможно никакое знаніе, и въ томъ его полное оправданіе, если только онъ нуждается въ оправданіи....

Итакъ мы видимъ, что обоснованіе своего реализма Спенсеръ открываетъ до крайности ложнымъ шагомъ. Это, конечно, обезцѣниваетъ всю его дальнѣйшую аргументацію.

Два другихъ разсужденія, образующихъ отрицательное доказательство реализма („слова метафизиковъ" и „разсужденія метафизиковъ"), содержатъ въ себѣ, въ сущности, очень вѣрное указаніе на тѣ трудности философскаго познанія, какія возникаютъ изъ особенностей языка, являющагося орудіемъ наивно-реалистическаго мышленія, и изъ необходимости для философа развитіе своихъ идей постоянно соотносить (въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ) съ параллельными наивно-

реалистическими представленіями, чтобы быть понятымъ. Но вѣдь это указаніе отнюдь не есть *оправданіе* реализма. Указанныя трудности всегда сознавались, и это сознаніе служило лишь толчкомъ къ изобрѣтенію средствъ для ихъ избѣжанія, но никогда никѣмъ не выдавалось за доказательство реализма [1]).

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, обратимся къ разбору *положительныхъ* доказательствъ реализма. Ихъ, какъ мы видѣли, у Спенсера два рода: доказательства *предварительныя* и *прямыя*. Скажемъ о тѣхъ и другихъ.

1. Разборъ предварительныхъ доказательствъ реализма.

а) Первое предварительное доказательство указываетъ на *первоначальность* реалистическаго міровоззрѣнія въ сравненіи съ идеалистическимъ. „Реалистическое представленіе, говоритъ Спенсеръ, повсюду и всегда,—у ребенка, у дикаря, у необразованнаго крестьянина, у самого метафизика *предшествуетъ* идеалистическому“. Легко видѣть, что доказательная сила этого довода очень не велика. Не всегда достовѣрное предшествуетъ ложному. Чаще бываетъ наоборотъ. Невѣжество предшествуетъ просвѣщенію, суевѣріе точному научному знанію и т. п. Употребляемая Спенсеромъ для доказательства „біографія души ребенка“, ссылка на дикарей и крестьянъ и т. п.—едва-ли кому покажутся вѣскими аргументами и менѣе всего должны-бы казаться таковыми самому Спенсеру. Въ одномъ мѣстѣ своихъ „Основныхъ

---

[1]) Въ послѣднее время извѣстный *R. Авенаріусъ*, мыслитель отнюдь не склонный къ выспреннимъ спекуляціямъ, со всею откровенностью призналъ, что существуетъ реалистическій minimum, который обязателенъ для всякаго философствующаго ума и безъ котораго не можетъ начаться никакое познаніе и никакое философствованіе (Kritik der reinen Erfahrung, B. I, S. VII: Empiriokritische Axiomen); но онъ призналъ не только полное право, но и увидѣлъ прямую задачу философа въ томъ, чтобы видоизмѣнять и переработывать это первоначальное допущеніе по началамъ формально-логической мысли. Философу при этомъ вмѣняется въ обязанность умѣть выражать свои идеи въ терминахъ не научнаго мышленія. И самъ Авенаріусъ по своимъ положительнымъ гносеологическимъ воззрѣніямъ отнюдь не можетъ быть названъ реалистомъ. А его капитальное изслѣдованіе „Критика чистаго опыта“ вообще должно считаться наилучшимъ пособіемъ въ борьбѣ съ такъ называемой „тиранніей языка“, потому что представляетъ тщательное и подробное опредѣленіе всѣхъ словъ, необходимыхъ для философскаго обихода.

началъ" онъ положительно утверждаетъ, что „не дисциплинированные и не развитые умы" дикарей и простыхъ людей „не чувствуютъ необходимости въ нѣкоторыхъ истинахъ и даже допускаютъ вѣру въ противоположные принципы". [1]) Почему-же теперь эти дикари, дѣти и крестьяне оказываются обладателями истины?

Говоря, вопреки Миллю, что первоначально достовѣрное для насъ есть не существованіе ощущенія, а существованіе вещи ощущаемой, Спенсеръ смѣшиваетъ первоначальность временную и *психологическую* съ *логической*. Отличать свои ощущенія отъ вещей мы научаемся дѣйствительно въ довольно позднемъ возрастѣ. Но въ силу своей большей достовѣрности, они всетаки суть логическій prius вещей. Спенсеръ здѣсь отрицаетъ азбучную истину всякой гносеологіи [2]).

б) Второе доказательство изъ *простоты*—имѣетъ нисколько не большую цѣнность, чѣмъ предъидущее. Простота въ наукѣ дѣйствительно считается очень цѣннымъ качествомъ всякой гипотезы („simplex veri sigillum"). Но этому правилу нельзя придавать безусловное значеніе. Его приложимость прежде всего обусловливается одинаковостью научнаго уровня частныхъ доводовъ, образующихъ элементы сравниваемыхъ гипотезъ. Напримѣръ, объясненіе физическихъ явленій непосредственнымъ дѣйствіемъ человѣкоподобныхъ божествъ гораздо проще современнаго научнаго объясненія. Объясненіе поднятія воды во всасывающемъ водяномъ насосѣ посредствомъ „horror vacui" (боязнь пустоты) гораздо проще Торичелліева объясненія посредствомъ атмосфернаго давленія. Старая политико-экономическая теорія, будто богатство страны прямо пропорціонально количеству имѣющихся въ ней денегъ, гораздо проще принятой въ современной наукѣ,—что богатство прямо пропорціонально количеству получаемыхъ страною благъ и обратно пропорціонально количеству затраченнаго на ихъ производство труда. Поэтому въ курсахъ логики теперь уже правило касательно простоты гипотезы не приводятъ безъ оговорокъ. Если мы возьмемъ еще такіе примѣры, что матеріалистическое

[1]) Осн. нач. ч. II. Пер. *Алексѣева*, 1886 г. стр. 42.

[2]) *Volkelt*, Immanuel Kant's Erkenntnisstheorie, 1879, S.S. 3—4.

объясненіе психическихъ явленій несомнѣнно гораздо проще спиритуалистическаго; что историческая теорія Бокля есть одна изъ самыхъ простыхъ: то въ обоихъ случаяхъ тоже нельзя будетъ сказать, чтобы истина находилась на сторонѣ простоты.

Положеніе Спенсера, что чѣмъ длиннѣе аргументація, тѣмъ вѣроятнѣе въ ней ошибка, мы готовы признать за простой парадоксъ лѣниваго мышленія, боящагося критическаго изслѣдованія и предпочитающаго a priori угадывать истину и заблужденіе. Съ этой точки зрѣнія, напримѣръ, ученическія упражненія и такъ называемые классные экспромпты на философскія темы, пишущіяся въ семинаріяхъ, гораздо цѣннѣе спеціальныхъ изслѣдованій на тѣ-же темы. А доказательства истины иногда бываютъ чрезвычайно длинны, тогда какъ ошибочное мнѣніе иной разъ доказывается очень просто. Аристотель полагалъ, что скорость свободно падающихъ тѣлъ пропорціональна ихъ вѣсу, т. е., болѣе тяжелыя тѣла падаютъ скорѣе. Это положеніе и доселѣ очень многимъ незнакомымъ съ физикой кажется очевиднымъ само собой; затѣмъ это положеніе отчасти можетъ быть провѣрено и вседневнымъ опытомъ. Галилей въ XVII вѣкѣ открылъ, что скорость паденія независима отъ вѣса. Теоретическое доказательство этого потребовало массы времени и усилій и долго не удавалось. Точно также и опытная провѣрка вначалѣ не оправдывала этого вывода. Для возможности такой опытной провѣрки пришлось создавать особыя условія,—устраивать паденіе въ безвоздушномъ пространствѣ. Кажется, съ Спенсеровой точки зрѣнія ясно, что правъ Аристотель. А между тѣмъ правъ Галилей.

в) Третій аргументъ—изъ *ясности* не имѣетъ и той призрачной доказательности, какою обладаетъ только что разсмотрѣнный. Извѣстно, что привычныя мнѣнія обыкновенно кажутся намъ вполнѣ очевидными и ясными, тогда какъ непривычныя очень трудно усвояются. А затѣмъ, идеалистическія ученія бываютъ не особенно ясны и потому, что для пониманія ихъ необходимо выдѣлить тотъ реалистическій элементъ, который контрабандно привносится въ нихъ словами.

2. Разборъ прямого доказательства реализма.

Прямое доказательство реализма, какъ мы видѣли, распадается у Спенсера на двѣ части: 1) отысканіе и обоснованіе „критерія истины“ и 2) примѣненіе этого критерія къ оправданію реализма. Та и другая часть не чужда нѣкоторыхъ весьма существенныхъ недочетовъ, обезцѣнивающихъ доказательство.

а) Совершенно справедливо утверждаетъ Спенсеръ, что доказательство реализма, чтобы обладать общеобязательной убѣдительностью, должно „опираться на нѣкоторую общепризнанную истину, которую обязанъ-бы былъ признать также и идеалистъ“. Кто убѣдителенъ только для своей партіи, тотъ, очевидно, ничего не доказываетъ въ дѣйствительности, ибо его аргументація заключаетъ въ себѣ petitio principii. Справедливо также отвергаетъ онъ „допущеніе достовѣрности сознанія *вообще*“. Отсюда вполнѣ законнымъ является и его желаніе „найти нѣчто такое, что всѣ спорящія стороны принимали бы за трансцендентальную (?) достовѣрность“. Но предлагаемое имъ отысканіе такого критерія не можетъ быть признано удовлетворительнымъ.

Вѣрно указавъ, что въ истинномъ познаніи сказуемое должно *необходимо* принадлежать своему подлежащему, Спенсеръ въ разъясненіи характера этой необходимости обнаруживаетъ весьма серьезное непониманіе истинныхъ задачъ *гносеологіи*. Эту необходимость онъ понимаетъ, какъ *психологическую* неизбѣжность мыслить извѣстное сочетаніе представленій нерасторжимымъ сочетаніемъ. Онъ, какъ мы видѣли, для открытія такой необходимости считаетъ достаточнымъ пріемомъ—„поискать такого случая, гдѣ-бы данное подлежащее существовало безъ своего сказуемаго“. Эти поиски, по его словамъ, состоятъ въ томъ, что „мы стараемся или замѣстить это неизмѣнно существующее сказуемое какимъ-либо другимъ, или просто вытѣснить его совсѣмъ изъ сознанія, не замѣщая его ничѣмъ инымъ“. Иначе онъ называетъ это „попыткою представить себѣ отрицаніе предложенія“. Неудача этой попытки и будетъ откры-

тіемъ необходимости. „*Моя неудача*, говоритъ онъ, *представить себѣ это отрицаніе* есть открытіе того, что здѣсь вмѣстѣ съ подлежащимъ *неизмѣнно* существуетъ и сказуемое". Но, спросимъ мы, развѣ *субъективная* необходимость мыслить извѣстную связь представленій можетъ ручаться за существованіе *объективной* связи представляемыхъ предметовъ? Въ особенности этотъ вопросъ умѣстенъ относительно *индивидуальнаго* мышленія. Мало-ли какія непреоборимыя иллюзіи владѣютъ индивидуальными умами! Неужели всякій предразсудокъ, которому удалось поработить умъ какого-либо человѣка, служитъ выраженіемъ истины? Но если-бы мы отъ индивидуальнаго мышленія перешли къ общему смыслу, то и тогда остался-бы въ силѣ нашъ вопросъ: по какому праву субъективной необходимости усвояется объективное значеніе? Надо совершенно забыть ученіе Бэкона объ идолахъ, забыть изысканія Юма и Канта, надо перенестись къ первымъ временамъ греческой философіи, чтобы такъ отважно исповѣдывать непогрѣшимость познавательныхъ средствъ человѣческаго ума, какъ это дѣлаетъ Спенсеръ. И эта догматическая увѣренность Спенсера тѣмъ удивительнѣе, что вѣдь самъ-же онъ въ первой части своихъ основныхъ началъ такъ рѣшительно настаиваетъ на относительности познанія.

Установленный имъ критерій Спенсеръ старается, какъ мы видѣли, *доказать*, разбирая возраженія Милля и Гамильтона. По нашему мнѣнію, разборъ этотъ лишній разъ показываетъ шаткость Спенсеровой точки зрѣнія. Главное возраженіе, дѣлаемое Миллемъ противъ испытанія посредствомъ немыслимости отрицанія предложенія, по словамъ Спенсера, заключается въ томъ, что предложенія, принимавшіяся когда-то за истинныя, вслѣдствіе того, что они выдержали это испытаніе, оказались впослѣдствіи ложными. Онъ (Милль) говоритъ: „„было время, когда люди самаго образованнаго ума и наиболѣе свободные отъ древнихъ предразсудковъ, не могли вѣрить существованію антиподовъ; они были неспособны представить себѣ, въ противность старинной ассоціаціи идей, силу тяготѣнія, дѣйствующую кверху, а не книзу"" [1]). Возраженіе это,

[1]) См. § 428, стр. 170.

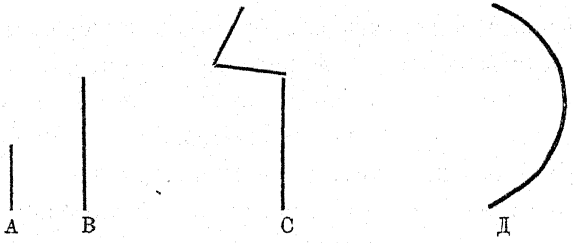
по нашему мнѣнію, въ общемъ настолько справедливо, что противъ него трудно и спорить. И Спенсеръ дѣйствительно соглашается, что прямо примѣнять признаваемый имъ критерій къ провѣркѣ испытываемыхъ предложеній было-бы, въ виду возраженія Милля, крайне неосторожно. Но онъ настаиваетъ на примѣнимости своего критерія къ *простымъ* предложеніямъ. „Испытаніе, говоритъ онъ, приложимое вполнѣ законнымъ образомъ къ простому предложенію, подлежащее и сказуемое котораго находится въ прямомъ отношеніи, не можетъ быть прикладываемо законнымъ образомъ къ сложному предложенію, подлежащее и сказуемое котораго находятся не въ прямомъ отношеніи, но связаны между собою посредствомъ многихъ подразумѣвающихся простыхъ предложеній. Слѣдовательно, на это критическое возраженіе Милля мой отвѣтъ будетъ таковъ, что тѣ предложенія, которыя ошибочно принимались за несомнѣнныя, вслѣдствіе того, что они будто-бы выдерживали испытаніе посредствомъ признаваемаго мною критерія, были предложенія сложныя, къ которымъ этотъ критерій не приложимъ; и что никакія заблужденія, возникающія изъ неправильнаго приложенія этого критерія, не могутъ считаться говорящими противъ правильнаго его приложенія. Если насъ спросятъ, какимъ образомъ можемъ мы рѣшить, что́ есть правильное приложеніе нашего критерія,—то я отвѣчу, что, ограничивая его приложеніе такими предложеніями, которыя не могутъ быть разлагаемы далѣе, я уже указалъ на искомое различіе“ [1]).

---

[1]) *Ibid.* стр. 108. Въ поясненіе Спенсеръ приводитъ нѣсколько конкретныхъ примѣровъ: „А и В, говоритъ онъ, суть двѣ прямыя линіи. Какимъ образомъ рѣшаемъ мы, что онѣ равны или не равны? Для этого не существуетъ никакого другого способа, кромѣ сравненія двухъ впечатлѣній, производимыхъ ими на сознаніе. Я узнаю, что онѣ неравны, помощью непосредственнаго акта, если разница между ними велика, или если, даже при умѣренномъ различіи между собою, онѣ лежатъ близко одна возлѣ другой; но если разница между ними не велика, и если онѣ лежатъ не близко другъ къ другу, то я рѣшаю данный вопросъ или посредствомъ помѣщенія этихъ линій рядомъ одна съ другой, буде онѣ подвижны, или посредствомъ перенесенія нѣкоторой подвижной линіи отъ одной изъ нихъ къ другой, буде онѣ неподвижны. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ я получаю въ сознаніи свидѣтельство того, что впечатлѣніе, произведенное одною изъ этихъ линій, отлично отъ впечатлѣнія, произведеннаго другою. Я не могу дать никакого другого доказательства этого различія, кромѣ того, что я сознаю его, и что я

Настаивая, такимъ образомъ, на примѣнимости своего критерія, Спенсеръ не рѣшаетъ, въ сущности, возраженія, а лишь отодвигаетъ его. Пусть критеріемъ можно воспользоваться только для оцѣнки простыхъ предложеній; но здѣсь возникаютъ вопросы: 1) гдѣ мѣрило этой простоты"? 2) развѣ исторія не представляетъ намъ примѣровъ простыхъ предложеній, казавшихся безспорными людямъ одной эпохи и признанныхъ потомъ заблужденіями? 3) почему опять субъективную необходимость мыслить простое предложеніе мы должны считать ручательствомъ за согласіе его съ объективной дѣйствительностью? На всѣ эти вопросы Спенсеръ не даетъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ, да и по существу дѣла ихъ нельзя дать.

нахожу невозможнымъ, впродолженіе всего того времени, пока я созерцаю данныя линіи, отдѣлаться отъ сознанія этого различія.



Предложеніе, что данныя линіи неравны, есть предложеніе, отрицаніе котораго немыслимо. Но предположимъ теперь, что насъ спрашиваютъ: равны-ли линіи В и С (прямая и ломанная) или линіи С и Д? На это невозможно дать никакого положительнаго отвѣта. Мы не можемъ сказать, что для насъ немыслимо, чтобы В была длиннѣе чѣмъ С, или равна ей, или короче ея; напротивъ того, мы можемъ мыслить одинаково каждое изъ этихъ трехъ утвержденій. Здѣсь обращеніе къ прямому приговору сознанія неправильно, незаконно; потому что, при перенесеніи вниманія отъ В къ С или отъ С къ Д, перемѣны въ другихъ элементахъ впечатлѣній такъ запутываютъ и затемняютъ сравниваемые элементы, что мѣшаютъ поставить ихъ въ сознаніи рядомъ другъ съ другомъ. Если вопросъ объ относительной длинѣ всетаки долженъ быть рѣшенъ, то это можетъ быть сдѣлано только посредствомъ выпрямленія кривой линіи, а это можетъ быть произведено лишь чрезъ посредство цѣлаго ряда шаговъ, изъ которыхъ каждый требуетъ непосредственнаго сужденія, сроднаго тому, помощью котораго сравнивались А съ В. Но какъ здѣсь, такъ точно и во всѣхъ другихъ случаяхъ только простыя усмотрѣнія и представленія таковы, что ихъ отношенія могутъ быть удостовѣряемы непосредственнымъ сознаніемъ; и какъ здѣсь, такъ точно и во всѣхъ другихъ случаяхъ, только посредствомъ разложенія на такія простыя усмотрѣнія и представленія можетъ быть достигнуто истинное сужденіе касательно сложныхъ представленій" (109—110).

Первый вопросъ онъ совсѣмъ не предусматриваетъ. Что касается второго, то онъ довольно голословно утверждаетъ, что „касательно тѣхъ вопросовъ, которые подвергаются законнымъ образомъ сужденію на основаніи этого критерія, нѣтъ и не можетъ быть никакого спора насчетъ отвѣта". Въ доказательство онъ приводитъ только примѣръ математики. Онъ говоритъ: „Отъ самыхъ раннихъ временъ, о какихъ только мы имѣемъ свѣдѣнія, и до настоящей минуты люди не перемѣнили своихъ убѣжденій касательно числовыхъ истинъ. Аксіома,—что если къ неравнымъ прибавятся равныя, то получатся неравныя суммы,—признавалась греками въ неменьшей мѣрѣ, какъ и нами самими, за прямой приговоръ сознанія, на который не можетъ быть никакой апелляціи. Каждый шагъ въ каждомъ доказательствѣ Эвклида мы принимаемъ такъ, какъ принимали его они;—потому, что мы непосредственно видимъ, что утверждаемое отношеніе дѣйствительно таково, какъ оно утверждается, и что невозможно мыслить его по другому" [1]). Но относительно математики всегда можно сказать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ познаніемъ трансцендентной *реальности*, а лишь съ познаніемъ мыслимыхъ *идеальныхъ* законовъ и отношеній количества и пространства. Здѣсь мы имѣемъ согласіе мысли съ самою собой, а не согласіе познанія съ дѣйствительностью, лежащей внѣ познающаго духа. Для послѣдней (т. е. дѣйствительности) мы въ данномъ случаѣ только требуемъ этого согласія (постулируемъ его), а далеко не всегда имѣемъ на лицо. Примѣръ математики, получающей свою достовѣрность отъ достовѣрности непосредственнаго усмотрѣнія простѣйшихъ истинъ и отношеній, не можетъ служить доказательствомъ приложимости Спенсерова критерія къ провѣркѣ другихъ, такъ сказать, реальныхъ познаній. Математика не выходитъ изъ сферы чистой мысли и чистаго представленія. Реальное же познаніе ищетъ согласія представленія съ представляемой дѣйствительностью. Вотъ въ этомъ то случаѣ непосредственное усмотрѣніе и не можетъ быть надежнымъ руководствомъ; а исторія философіи и исто-

[1]) *Ibid.*, стр. 110.

рія наукъ представляютъ массу примѣровъ того, что считавшееся самоочевиднымъ и безспорнымъ въ одну эпоху оказывалось заблужденіемъ въ другую. Для примѣра достаточно указать хотя-бы на два положенія, казавшіяся нѣкогда аксіомами: 1) тѣло падаетъ быстрѣе, чѣмъ оно больше по объему и чѣмъ тяжелѣе; 2) res ibi agere non potest, ubi non est. Наконецъ, что касается третьяго вопроса, то само собою ясно: сколь простое предложеніе мы ни взяли-бы, его очевидность для мысли не можетъ быть ручательствомъ за его соотвѣтствіе съ трансцендентной дѣйствительностью;—субъективная необходимость мыслить нѣчто сама по себѣ, безъ нѣкотораго спеціальнаго предположенія, не служитъ показателемъ объективной необходимости или дѣйствительности.

На возраженіе, что признаваемый Спенсеромъ критерій опровергается фактами, показывающими, что нѣкоторыя предложенія ошибочно принимались за истинныя, потому что ихъ отрицанія предполагались немыслимыми, между тѣмъ какъ они на самомъ дѣлѣ не были немыслимыми,—Спенсеръ кромѣ разсмотрѣннаго отвѣта даетъ еще одинъ. Онъ утверждаетъ, что „этотъ критерій, какъ и всякій другой, способенъ давать невѣрные результаты какъ вслѣдствіе неспособности, такъ и вслѣдствіе небрежности тѣхъ, которые употребляютъ его“ [1]). По его словамъ, „неудача всякаго метода зависитъ отъ двухъ возможныхъ причинъ: отъ неудовлетворительности самаго метода и—отъ неумѣнья употреблять его, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ приложимъ вполнѣ законнымъ образомъ. Говоря,—что коль скоро одни считаютъ какое-либо убѣжденіе необходимымъ, а другіе считаютъ это убѣжденіе не необходимымъ, то это самое показываетъ, что критерій необходимости вовсе не есть критерій.—Милль безмолвно предполагаетъ, что всѣ люди обладаютъ одинаковой способностью внутренняго самонаблюденія; между тѣмъ многіе изъ нихъ совершенно неспособны къ правильному истолкованію своего сознанія, за исключеніемъ простѣйшихъ его формъ; да даже и остальные люди склонны ошибочно принимать за показанія сознанія то, что, при болѣе внимательномъ

[1]) *Спенсеръ*, l. c., стр. 123, § 443.

номъ изслѣдованіи, вовсе не оказывается показаніями сознанія“ [1]). Читая этотъ отвѣтъ, невольно удивляешься, какъ самъ Спенсеръ не замѣчаетъ его неудовлетворительности. Вѣдь этотъ отвѣтъ необходимо вызываетъ новый вопросъ: а каковы условія правильнаго примѣненія критерія?—гдѣ критерій законнаго пользованія критеріемъ? Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что каждый, пользующійся критеріемъ (правильно, или неправильно,—все равно), будетъ убѣжденъ, что онъ правъ, а несогласные съ нимъ ошибаются. И кто рѣшитъ ихъ споръ? Въ приводимомъ у Спенсера примѣрѣ ариѳметической ошибки, когда школьникъ складываетъ 35+9=46, ошибающагося можно убѣдить въ его ошибкѣ, заставивъ къ 35 прибавить 9 разъ по единицѣ, т. е., свести споръ къ очевидности, не отрицаемой и самимъ ошибающимся: 35+1=36, 36+1=37, 37+1=38 и т. д. Но какъ убѣдить человѣка, когда его заблужденіе кажется ему простой самоочевидной истиной? Какъ убѣдить человѣка въ его заблужденіи, когда противопоставляемая этому заблужденію истина кажется ему немыслимой?

Повидимому, впрочемъ, и самъ Спенсеръ сознаетъ шаткость своего положенія въ этомъ пунктѣ и прибѣгаетъ къ защитѣ такъ называемаго *общаго смысла*. „Но даже допуская, говоритъ онъ, что нашъ критерій долженъ считаться неудовлетворительнымъ въ каждомъ случаѣ, когда люди расходились касательно мыслимости или немыслимости даннаго предложенія, слѣдуетъ-ли изъ этого, что этотъ критерій долженъ считаться недосто-

---

[1]) Ibid., § 429, стр. 111. Въ поясненіи Спенсеръ приводитъ примѣръ ариѳметической ошибки: «Школьникъ складываетъ длинный столбецъ цифръ и получаетъ невѣрную сумму. Онъ передѣлываетъ сложеніе сначала и вновь ошибается, Учитель приказываетъ ему продѣлать весь процессъ вслухъ и тогда слышитъ, какъ онъ говоритъ „35 да 9 сорокъ шесть“,—ошибка, которую онъ повторялъ каждый разъ. Но не вступая въ изслѣдованіе того умственнаго акта, посредствомъ котораго мы знаемъ, что 35 и 9 составляютъ 44, можно видѣть ясно что неправильное истолкованіе школьникомъ своего собственнаго сознанія, заставляющее его безмолвно отрицать эту необходимую истину, утверждая, что «35 и 9 составляютъ 46», не можетъ считаться доказательствомъ того, что данное отношеніе (35+9=44) не необходимо. Неправильныя сужденія этого рода, совершаемыя часто даже опытными счетчиками, показываютъ только, что у насъ есть склонность недосматривать необходимыя связи въ нашихъ мысляхъ и принимать за необходимыя другія связи, которыя вовсе не суть необходимыя» (стр. 111).

вѣрнымъ и въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, относительно которыхъ существуетъ и всегда существовало полное согласіе? Я думаю, что нѣтъ“ [1]). Но въ такомъ случаѣ, скажемъ мы, лучше-бы было совсѣмъ обойтись безъ „критерія немыслимости“ и *провозгласить критеріемъ прямо общій смыслъ, который, въ послѣдней инстанціи, удостовѣряетъ дѣйствительную немыслимость*. А это значило-бы, въ сущности, совсѣмъ *отказаться отъ критерія*, потому что фисософская несостоятельность общаго смысла—вещь слишкомъ хорошо извѣстная, чтобы еще лишній разъ напоминать о ней и разъяснять ее...

Другого рода возраженіе со стороны Милля Спенсеръ находитъ въ его ученіи о происхожденіи аксіоматическихъ истинъ. „Противъ гипотезы—что аксіоматическія истины суть необходимости мысли, независимыя отъ опыта и предшествующія всякому опыту,—Милль выставляетъ гипотезу,—что аксіоматическія истины суть индукціи изъ опыта“ [2]). Противъ этого взгляда Спенсеръ устанавливаетъ прежде всего свою точку зрѣнія. „Я не согласенъ вполнѣ, говоритъ онъ, ни съ одною изъ этихъ взаимно-противоположныхъ гипотезъ, но согласенъ отчасти съ каждою изъ нихъ. Я смотрю на эти данныя мыслительности, какъ на данныя *a priori* для индивида! и какъ на данныя *a posteriori* для всего того рода индивидовъ, котораго онъ составляетъ послѣднее звено“ [3]). Такимъ образомъ, противъ чисто *эмпирическаго* воззрѣнія Милля Спенсеръ выставляетъ свое *эволюціонное*, пытающееся дать своеобразное примиреніе эмпиризма и апріоризма. Съ своей точки зрѣнія на происхожденіе аксіомъ, Спенсеръ слѣдующимъ образомъ оправдываетъ пользованіе критеріемъ немыслимости противоположнаго. „Такъ какъ въ каждое данное время, говоритъ онъ, то познаваніе, отрицаніе котораго остается немыслимымъ, есть (на основаніи нашей гипотезы) именно то, которое было подтверждаемо всѣми опытами, имѣвшими мѣсто до настоящей минуты; то изъ этого слѣдуетъ, что во всякое время немыслимость отрицанія какого-либо познанія есть са-

[1]) *Ibid.*, стр. 112.
[2]) Ibid., стр. 112, § 430.
[3]) Ibid., стр. 113.

мое сильное оправданіе, какое оно только можетъ имѣть за себя. Какая цѣль—изслѣдовать критически наши мысли или анализировать показанія нашего сознанія? Чтобы удостовѣриться въ соотвѣтствіи между субъективными убѣжденіями и объективными фактами. Хорошо; но объективные факты постоянно производятъ свои впечатлѣнія на наше сознаніе; наша опытность есть реестръ или запись этихъ объективныхъ фактовъ; и немыслимость какой-либо вещи предполагаетъ, что она находится въ полномъ разногласіи съ этой записью. Если-бы даже этимъ исчерпывалось все, то и тогда было-бы неясно, какимъ образомъ, если каждая истина первоначально бываетъ индуктивною, можетъ существовать какой-либо лучшій критерій истинности. Но мы должны припомнить, что въ то время, какъ многіе факты, производящіе свои впечатлѣнія на насъ, болѣе или менѣе случайны, и въ то время, какъ другіе факты очень общи,—нѣкоторые факты всеобщи и неизмѣнны. Эти всеобщіе и неизмѣнные факты должны, на основаніи допущенной нами здѣсь гипотезы, непремѣнно установить убѣжденія, отрицанія которыхъ будутъ немыслимыми, между тѣмъ какъ другіе факты не навѣрное установятъ такія убѣжденія; если-же они и установятъ ихъ, то факты, съ которыми мы встрѣтимся впослѣдствіи, разрушатъ ихъ силу. Слѣдовательно, когда послѣ громаднаго накопленія опытовъ, всетаки остаются такія вѣрованія, отрицанія которыхъ немыслимы, то большая часть этихъ вѣрованій, если не всѣ, должны соотвѣтствовать все общимъ объективнымъ фактамъ. Если, какъ утверждаетъ Милль, въ природѣ существуютъ абсолютныя единообразія; если эти единообразія производятъ (какъ это и дѣйствительно должно быть) столь-же абсолютныя единообразія въ нашей опытности; и если, какъ показываетъ Милль, эти абсолютныя единообразія въ нашей опытности дѣлаютъ насъ неспособными мыслить ихъ отрицанія; тогда соотвѣтственно каждому абсолютному единообразію въ природѣ, постоянно повторяющемуся въ нашей опытности, должно существовать въ насъ нѣкоторое убѣжденіе, отрицаніе котораго немыслимо, и которое абсолютно справедливо..... И если между тѣми неразложимыми предложеніями, которыя одни только допускаютъ испытаніе по-

мощью этого критерія, и есть еще нѣкоторыя такія, которыя, не смотря на такое ручательство, т. е., не смотря на свою немыслимость, тѣмъ не менѣе несправедливы (хотя я не вижу никакой причины, чтобы думать это), то мы всетаки должны допустить, что такія простыя предложенія, подтверждаемыя этимъ критеріемъ, выражаютъ чистый результатъ нашихъ опытовъ до настоящей минуты, что есть самое лучшее ручательство въ ихъ пользу, какое только возможно для нихъ" [1]). На дѣлаемое Миллемъ противъ этой аргументаціи новое возраженіе,—что если немыслимость представляетъ „чистый итогъ" всей прошедшей опытности, то почему-бы вмѣсто производнаго критерія не употреблять-бы тѣ самые опыты, изъ которыхъ онъ произведенъ?—Спенсеръ отвѣчаетъ указаніемъ причинъ, по которымъ для очень значительной массы познаній мы не можемъ употреблять такого метода повѣрки: „во первыхъ, предполагаемое этимъ методомъ перечисленіе опытовъ отсрочило-бы на неопредѣленное время признаніе какого-либо заключенія за состоятельное; во вторыхъ, такое перечисленіе опытовъ невозможно; и въ третьихъ, если-бы даже оно было возможно, то добытое такимъ образомъ ручательство за состоятельность заключенія никогда не можетъ быть такъ велико, какъ то, которое получается съ помощью оспариваемаго испытанія" [2]). Не касаясь болѣе подробнаго раскрытія Спенсеромъ этихъ причинъ, замѣтимъ только, что третья изъ нихъ имѣетъ въ виду несовершенство памяти [3]). Что же касается самаго возраженія и отвѣта на него, то, по нашему мнѣнію, требованіе Милля всетаки законно: если оставаться на почвѣ эмпиризма, то гораздо благоразумнѣе обосновывать аксіоматическія истины *сознательной* редукціей къ извѣстнымъ опытамъ и наблюденіямъ чѣмъ ссылкою на *безсознательную* регистрацію опытовъ, дающую лишь въ итогѣ сознательное убѣжденіе; во всякомъ случаѣ лучше *знать*, на чемъ покоится наше убѣжденіе (тогда можно будетъ судить и о степени его логической состоятельности), нежели слѣпо *вѣрить* ему, повинуясь инстинктив-

[1]) Ibid., стр. 113—114.
[2]) Ibid., стр. 115.
[3]) Ibid., стр. 116—117.

ной потребности, или слѣпой привычкѣ. Отвѣтъ же Спенсера несостоятеленъ, потому что сознательная провѣрка аксіомъ нужна не при каждомъ пользованіи ими, а лишь при рѣшеніи спеціальнаго вопроса объ ихъ логической правоспособности.

Но Спенсеръ, какъ мы уже упомянули, настаиваетъ на томъ, что въ предѣлахъ индивидуальнаго опыта аксіомы и не допускаютъ провѣрки, потому что онѣ суть итоги опытности всего рода, а для индивида даны a priori. Съ этой точки зрѣнія индивидууму остается руководиться только немыслимостью отрицанія и вѣрить, что эта немыслимость есть результатъ тысячелѣтнихъ накопленій опытовъ. „Я считаю, говоритъ онъ, что немыслимость отрицанія какого-либо познаванія составляетъ гораздо болѣе высокое ручательство за это познаваніе, чѣмъ какое бы то ни было перечисленіе опытовъ, какъ-бы точно и исчерпывающе оно ни было,—по той причинѣ, что такая немыслимость представляетъ собою опыты почти безконечно многочисленные, по сравненію съ опытами, припоминаемыми нами изъ нашего прошедшаго. Если нервныя измѣненія, произведенныя часто повторявшимися нервными актами,—наслѣдственны; если они скопляются изъ поколѣнія въ поколѣніе и воплощаются въ нервныхъ аппаратахъ, постоянство которыхъ пропорціонально постоянству тѣхъ внѣшнихъ отношеній, которымъ они соотвѣтствуютъ; въ такомъ случаѣ, нашъ критерій имѣетъ цѣну, неизмѣримо превосходящую цѣну всякаго критерія, который могъ-бы быть доставленъ индивидуальною опытностью. Вмѣсто относительно слабыхъ нервныхъ ассоціацій, произведенныхъ повтореніемъ единообразій въ одномъ поколѣніи, мы имѣемъ организованныя нервныя связи, произведенныя привычкою въ тысячахъ поколѣній,—или даже, вѣроятно, въ милліонахъ поколѣній“ [1]). Это оправданіе Спенсерова критерія намъ кажется несостоятельнымъ въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, по сравненію съ опровергаемою Спенсеромъ точкой зрѣнія Милля и, во вторыхъ, въ виду той цѣли, для которой оно приводится.

Если аксіомы въ предѣлахъ индивидуальнаго опыта про-

[1]) Ibid., стр. 117.

вѣрки не допускаютъ, то что прибавится къ ихъ достовѣрности отъ ссылки на какой-то миѳическій опытъ „милліоновъ поколѣній", о которомъ мы ровно ничего не знаемъ,—не знаемъ, какими кривыми путями онъ шелъ, и сколько нелѣпыхъ предразсудковъ оставилъ въ наслѣдіе позднѣйшимъ поколѣніямъ? Пусть отдаленнѣйшія ассоціаціи, какими закрѣплялась въ человѣческомъ сознаніи извѣстная аксіома, принадлежатъ давно умершимъ поколѣніямъ, а я унаслѣдовалъ уже переработанный итогъ этихъ ассоціацій; какое мнѣ дѣло до предковъ? Я желаю и имѣю право желать соотнести аксіому съ данными *моей опытности*; почему я неизвѣстнымъ предкамъ долженъ вѣрить больше чѣмъ самому себѣ? И какъ-бы принудительно моему сознанію ни навязывалась аксіома,—если я эмпирикъ, я не приму ея до тѣхъ поръ, пока не найду въ своемъ опытѣ хотя приблизительныхъ ея оправданій, а безъ этого буду считать ее лишь предразсудкомъ. Допуская наслѣдственность и передачу результатовъ опыта отъ предковъ къ потомкамъ, мы всетаки не поймемъ, почему тысячелѣтнія ассоціаціи ближе къ истинѣ, чѣмъ десятилѣтнія или двадцатилѣтнія. И развѣ не контролируемый критическимъ сознаніемъ опытъ даетъ непремѣнно вѣрное отображеніе дѣйствительности? Почему наши дикіе предки не могли оставить намъ въ наслѣдство и дикихъ предразсудковъ? И въ исторіи на этотъ счетъ не безъ примѣровъ; даже въ обиходѣ современнаго культурнаго мышленія найдутся нѣтоторыя идеи такого компрометтирующаго происхожденія... По нашему мнѣнію, отдавать предпочтеніе предъ Миллевскимъ эмпиризмомъ *эволюціонному* апріоризму значитъ дѣлать плохой обмѣнъ. Чистый эмпиризмъ имѣетъ свои недостатки, но не слѣдуетъ его мѣнять на худшее. Въ *гносеологіи* болѣе серьезнымъ его противникомъ является апріоризмъ *Кантовскій*. Спенсеровская-же теорія имѣетъ свою цѣнность, но для *психологіи* познанія, а не для ученія о достовѣрности познанія (гносеологіи въ собственномъ смыслѣ).

Но и помимо всего этого, разсматриваемый взглядъ Спенсера мы должны признать несостоятельнымъ. Вѣдь *цѣль* отысканія критерія состоитъ въ томъ, чтобы при его помощи *до-*

казать реальность внѣшняго міра. Между тѣмъ самая установка критерія содержитъ уже въ себѣ какъ необходимый элементъ *допущеніе этой реальности*: „абсолютныя единообразія въ природѣ производятъ столь же абсолютныя единообразія въ нашей опытности"... [1]). Получается *грубѣйшій софизмъ* (ὕστερον πρότερον): тезисъ доказывается при помощи основанія, которое само нуждается для своего оправданія въ тезисѣ! И вообще Спенсеровскій эволюціонизмъ уже предполагаетъ, какъ свою логическую предпосылку (prius), справедливость реализма [2]). Странно видѣть подобныя доказательства въ серьезной философской теоріи.

Наконецъ, въ свое оправданіе отъ упрековъ Милля Спенсеръ ссылается еще на признаваемое самимъ Миллемъ доказательство отъ противнаго (reductio ad absurdum), какъ будто-бы допускающее „состоятельность испытанія посредствомъ немыслимости отрицанія" [3]). Но и эта ссылка совершенно неубѣдительна. Вѣдь reductio ad absurdum, какъ пріемъ логическаго доказательства, имѣетъ мѣсто лишь подъ условіемъ сдѣланныхъ уже допущеній, подъ условіемъ признанной уже истинности нѣкоторыхъ положеній: если разсужденіе приводитъ къ отрицанію этихъ безспорно-истинныхъ положеній, то положенная въ основу этого разсужденія мысль должна быть признана ложной, а противоположная ей—истинной. Спенсеръ же свой критерій не желаетъ связывать подобными условіями, да и не можетъ связать (потому что рѣчь идетъ о высшемъ признакѣ всякой истины); слѣдовательно, не имѣетъ онъ и права приравнивать свой критерій къ принципу доказательства отъ противнаго.

Въ числѣ противниковъ своего критерія Спенсеръ считаетъ и Гамильтона. Сущность его возраженія Спенсеръ представляетъ въ такомъ видѣ: „Чтобы доказать, что немыслимость не есть критерій невозможности, сэръ Вильямъ Гамильтонъ приводитъ тотъ фактъ, что, съ одной стороны, мы не можемъ

---

[1]) См. выше.

[2]) Объ этомъ мы уже говорили въ своей статьѣ „Научное и филос. значеніе эволюц. теоріи" (Вѣра и Раз., 1899, кн. 9).

[3]) *Спенсеръ*, цит. соч. § 431, стр. 120.

представить себѣ послѣдняго минимума пространства или времени, а съ другой стороны, мы не можемъ представить себѣ ихъ безконечной дѣлимости. Подобнымъ же образомъ, мы не можемъ представить себѣ абсолютнаго начала времени, или крайняго предѣла пространства; а между тѣмъ мы столь-же неспособны представить ихъ себѣ безъ всякаго начала или предѣла. Отсюда онъ выводитъ, что такъ какъ долженъ или существовать какой-нибудь минимумъ, или не существовать никакого минимума, или существовать какой-нибудь предѣлъ или не существовать никакого предѣла, то, значитъ, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ должна быть истинною одна изъ двухъ одинаково немыслимыхъ вещей„ [1]). На это возраженіе Спенсеръ отвѣчаетъ съ точки зрѣнія своего релятивизма, что конечныя научныя идеи выводятъ насъ за предѣлы познаваемаго и даже мыслимаго [2]). По нашему мнѣнію, вмѣсто такой критики слѣдовало-бы просто разсмотрѣть, дѣйствительно-ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ *немыслимостью*, какъ хочетъ Гамильтонъ. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, возраженіе Гальтона мы не считаемъ сколько-нибудь подрывающимъ взглядъ Спенсера.

Отыскавъ и по своему оправдавъ критерій истины, Спенсеръ переходитъ къ выясненію его употребленія для рѣшенія спора между идеализмомъ и реализмомъ. Это онъ называетъ установкой „критерія относительной состоятельности“. Этотъ послѣдній критерій, какъ мы видѣли, онъ формулируетъ такимъ образомъ: „*наиболѣе достовѣрное заключеніе есть то, которое содержитъ въ себѣ поступлятъ наименьшее число разъ*“. Это значитъ, что достовѣрность тѣмъ выше, чѣмъ *короче* аргументація, и чѣмъ рѣже въ теченіе ея дѣлается ссылка на *непосредственную очевидность*.

Мы уже имѣли случай по поводу одного изъ предварительныхъ доказательствъ („отъ простоты“) замѣтить, что краткость аргументаціи далеко еще не ручается за большую прочность

---

[1]) Ibid., § 432, стр. 120—121.

[2]) Ibid.; стр. 121—122. Подробный разборъ этого послѣдняго взгляда см. въ нашей статьѣ „Изложеніе и критич. разборъ основаній Спенсерова релятивизма“ (Вѣра и разумъ за 1893 г.).

доказываемаго тезиса. И теперь намъ остается только повторить то же. А приводимый, между прочимъ, въ настоящемъ случаѣ Спенсеромъ примѣръ,—будто и мы считаемъ болѣе достовѣрнымъ, что 2 и 2 составляютъ 4, чѣмъ то, что 5+7+6+9+8 составляютъ 35",—повергаетъ насъ въ истинное изумленіе. Неужели можно подобными вздорными аналогіями обосновывать критерій истины?!... Безспорно, что рискъ ошибки при сложномъ и длинномъ выводѣ гораздо больше. Но разъ путемъ тщательной провѣрки каждаго шага въ аргументаціи устранена эта чисто субъективно-психологическая опасность,—длинный выводъ будетъ нисколько не менѣе достовѣренъ, чѣмъ и краткій. Нельзя не отмѣтить и того, что критерій достовѣрности въ этомъ случаѣ берется черезчуръ *внѣшній*. Вмѣсто того, чтобы обсуждать аргументацію по существу, съ ея *качественной* стороны, Спенсеръ предлагаетъ намъ чисто *количественную* мѣрку: „наиболѣе достовѣрное заключеніе есть то, которое содержитъ въ себѣ постулятъ наименьшее число разъ". Это будетъ пріемомъ совершенно не философскимъ: такое разсужденіе было-бы еще умѣстно въ устахъ какого-нибудь профана, случайно присутствовавшаго при спорѣ идеалиста съ реалистомъ, но неспособнаго понять и оцѣнить противныхъ доводовъ, а лишь схватывающаго ихъ внѣшнюю форму, въ устахъ-же философа такія рѣчи—странны.

б) Переходимъ теперь къ оцѣнкѣ дѣлаемаго Спенсеромъ *примѣненія своего критерія* для обоснованія реализма.

Спенсеръ, какъ мы видѣли, старается доказать, что для достиженія реалистическаго убѣжденія дѣлается гораздо меньшее число допущеній, чѣмъ для достиженія идеалистическаго или скептическаго. Для этого доказательства онъ дѣлаетъ слѣдующій анализъ: „Пусть читатель, говоритъ онъ, взглянетъ на какой нибудь объектъ,—напр., на эту книгу. И пусть онъ скажетъ, тщательно воздерживаясь отъ теоретизированія,—что находитъ? Онъ находитъ, что онъ сознаетъ книгу, какъ существующую отдѣльно отъ него самого. Входитъ-ли въ его сознаніе хотя какое-нибудь понятіе объ ощущеніяхъ? Нѣтъ: въ его сознаніи не только не содержится такого понятія, но даже, если оно вносится сюда изъ какой либо другой области,

то оно явнымъ образомъ нарушаетъ его теперешнее сознаніе. Замѣчаетъ ли онъ, что вещь, которую онъ сознаетъ, есть лишь изображеніе книги? Совсѣмъ нѣтъ, только припоминая свои метафизическія чтенія, можетъ онъ предположить существованіе такого изображенія. До тѣхъ поръ, пока онъ отказывается переводить факты на языкъ какой-либо гипотезы, онъ просто сознаетъ книгу, а не впечатлѣніе книги,—т. е., объективную вещь, а не субъективную вещь. Онъ чувствуетъ, что единственное содержаніе его сознанія есть книга, разсматриваемая, какъ внѣшняя реальность. Онъ чувствуетъ, что это узнаваніе книги, какъ нѣкоторой внѣшней реальности, есть одиночный, нераздѣльный актъ. Былъ ли этотъ актъ первоначально раздѣлимъ на посылки и заключеніе или нѣтъ (вопросъ, которымъ онъ, очевидно, не можетъ заниматься здѣсь), но онъ чувствуетъ теперь, что этотъ актъ неразложимъ. И, наконецъ, онъ чувствуетъ, что не смотря ни на какія усилія съ его стороны, онъ не можетъ извратить этотъ актъ,—онъ не можетъ представить себѣ, что тамъ, гдѣ онъ видитъ и осязаетъ книгу, на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего. Вслѣдствіе этого, до тѣхъ поръ, пока онъ продолжаетъ смотрѣть на книгу, его вѣра въ нее, какъ во внѣшнюю реальность, обладаетъ самой высокой состоятельностью, какая только возможна. Она имѣетъ за себя прямое ручательство всеобщаго постулята, и она предполагаетъ этотъ всеобщій постулятъ *только однажды*“ [1]).

Какъ видимъ, Спенсеръ *просто на просто объявляетъ реальность внѣшнихъ предметовъ фактомъ непосредственнаго воспріятія*; и при такомъ обоснованіи реализма дѣйствительно для него потребуется только одно допущеніе—достовѣрности воспріятія. Но вѣдь это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *отказаться отъ всякаго обоснованія*. Изъ логики мы знаемъ, что *обосновывать* значитъ выводить истинность тезиса изъ дознанной истинности нѣкоторыхъ *другихъ сужденій* (основаній). И по ходу всѣхъ раннѣйшихъ разсужденій Спенсера о критеріѣ можно было ожидать, что критеріемъ этимъ онъ будетъ

[1]) Ibid., стр. 135, § 438.

руководиться при выборѣ и сравнительной оцѣнкѣ *основаній* pro и contra реализма. А вдругъ оказывается, что критерій примѣненъ къ самому тезису! Подобнымъ образомъ я могу всякое самое фантастическое убѣжденіе, которое почему либо крѣпко засѣло въ моей головѣ, объявить *непосредственно достовѣрнымъ* и утверждать, что оно удовлетворяетъ Спенсеровымъ условіямъ приложенія критерія (употребляетъ постулятъ только однажды).. Подобнымъ образомъ *и идеалистъ* можетъ объявлять свой тезисъ *непосредственно очевиднымъ*; и надо признать, что онъ сдѣлаетъ это *съ большимъ правомъ, нежели реалистъ*. Въ самомъ дѣлѣ,—оставимъ Спенсеровъ примѣръ,—если я „взгляну на какой нибудь объектъ, напр., на эту книгу", и если я „воздержусь отъ всякаго теоретизированія", то *я никогда не соглашусь*, что „я сознаю книгу, какъ существующую отдѣльно отъ меня самого". Что я *сознаю*?—сознаю, что *вижу*. Что я вижу?—книгу. И только! Никакого сознанія объ *отдѣльномъ* отъ меня существованіи здѣсь нѣтъ и быть не можетъ. Я стою передъ зеркаломъ и созерцаю собственную персону. Что я сознаю?—сознаю, что вижу. Что я вижу?—себя самого. Но сознаю-ли я себя самого, какъ существующаго отдѣльно отъ меня? Конечно, такого абсурда я не могу сознавать. А чѣмъ отличается предлагаемое Спенсеромъ созерцаніе книги отъ подобнаго самосозерцанія?—Ровно *ничѣмъ*, пока рѣчь идетъ объ одномъ созерцаніи; слѣдовательно, и въ его примѣрѣ не можетъ быть никакого сознанія объ отдѣльномъ существованіи. Такое сознаніе явится только въ результатѣ нѣкоторыхъ *дополнительныхъ условій*, позволяющихъ намъ различать воспріятіе дѣйствительнаго предмета и только образа. *Очевидно, что сознаніе реально существующаго предмета никогда не можетъ быть простымъ психическимъ актомъ.* Оно непремѣнно должно быть результатомъ извѣстнаго взаимодѣйствія нѣсколькихъ актовъ. И самъ Спенсеръ, предлагая только „взглянуть" на книгу и утверждая, что „узнаваніе книги, какъ нѣкоторой внѣшней реальности, есть одиночный, нераздѣльный актъ",—однако не удержался въ рамкахъ своего примѣра. Онъ нѣсколько ниже уже говоритъ, что человѣкъ „не можетъ представить себѣ, что тамъ, гдѣ онъ видитъ *и*

осязаетъ книгу, на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ". Очень характерно это „и осязаетъ": одного созерцанія оказывается недостаточно, а надо еще осязать. Какой-же, спрашивается, это „одиночный, нераздѣльный актъ?" *Сложность* этого акта допускается не только для гипотетическаго первоначальнаго генезиса воспріятія, лежащаго уже за предѣлами моего непосредственнаго сознанія, но и для самаго этого сознанія. Какъ-бы человѣкъ ни былъ наивно довѣрчивъ къ показаніямъ своего сознанія, онъ едва-ли ограничится при сужденіи о внѣшнемъ существованіи „одиночнымъ актомъ" ощущенія, а провѣритъ этотъ актъ другими актами—того-же чувства, или какого либо другого, или показаніями другихъ людей. Гдѣ-же тутъ непосредственное сознаніе внѣшняго существованія?—его нѣтъ и быть не можетъ; *сознаніе внѣшняго существованія всегда есть результатъ сложной комбинаціи ощущеній и есть по этому не непосредственное сознаніе, а сужденіе, выведенное изъ ощущеній, да еще при помощи нѣкоторыхъ отвлеченныхъ аксіомъ* (рѣдко, впрочемъ, ясно сознаваемыхъ). Кто-же ближе къ истинѣ,—реалистъ-ли, считающій познаніе реальнаго бытія предмета простымъ психическимъ актомъ и слѣпо вѣрящій этому мнимому воспріятію, или идеалистъ, видящій сложность этого акта и считающій недостовѣрнымъ получаемый въ этомъ актѣ выводъ?

Но мало того, что даже въ рамкахъ взятаго имъ примѣра Спенсеръ не можетъ настаивать на непосредственности сознанія внѣшняго бытія; онъ кромѣ того не имѣетъ права игнорировать и вопросъ,—не былъ-ли кажущійся намъ простымъ актъ воспріятія „первоначально раздѣлимъ на посылки и заключенія". Пусть многократные повседневно повторяющіеся опыты создали человѣку привычку быстро и легко разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ и познавать реальное бытіе объектовъ воспріятія; пусть эта быстрота и легкость создаютъ иллюзію простоты и непосредственности; но развѣ это освобождаетъ насъ отъ обязанности изслѣдовать генезисъ воспріятія, его первоначальный составъ, дѣйствующія въ немъ силы? —можетъ-быть въ этихъ-то слившихся въ одинъ актъ, но по природѣ своей раздѣльныхъ процессахъ окажутся такіе, кото-

рые дадутъ намъ поводъ заподозрить, достовѣрность нашего познанія вещей? Когда мы читаемъ, мы не замѣчаемъ, какъ изъ буквъ составляются слова, изъ словъ предложенія, изъ комбинаціи предложеній мысли съ ихъ разными оттѣнками; намъ процессъ чтенія кажется простымъ,—мы только слѣдимъ за содержаніемъ читаемаго, а сложную символику этого содержанія и самый процессъ этого символизированія мы игнорируемъ. Но вѣдь это не значитъ, что процессъ чтенія дѣйствительно простой, а не сложный процессъ. И когда понадобится, мы всегда можемъ скрыть всѣ элементы этого процесса. Точно также и при воспріятіи внѣшнихъ предметовъ: разъ поднимается вопросъ о достовѣрности этого свидѣтельства, мы обязаны прослѣдить его возникновеніе до самыхъ первыхъ элементовъ,—подобно тому, какъ при возбуждающемъ недоумѣніе смыслѣ читаемаго мы перечитываемъ текстъ по отдѣльнымъ словамъ и иногда даже разбираемъ отдѣльныя слова по буквамъ.

Вообще,—повторяемъ.—ссылка на непосредственную очевидность реалистическаго тезиса есть незаконный отказъ отъ обсужденія спорнаго вопроса, подмѣна основаній голословнымъ утвержденіемъ, самое нефилософское возвращеніе къ наивному міровоззрѣнію обыденнаго смысла. Ницше называетъ вѣру въ непосредственныя достовѣрности „глупостью, дѣлающею философу мало чести“. Въ этомъ, не чуждомъ парадоксальности, замѣчаніи есть однако значительная доля правды. Совсѣмъ безъ ссылокъ на непосредственную очевидность обойтись нельзя; но эти ссылки должны ограничиваться лишь элементами познанія, а не прилагаться безъ разбору и къ сложнымъ продуктамъ [1]).

Незаконно считая познаніе реальнаго бытія актомъ простого непосредственнаго сознанія внѣшнихъ вещей, Спенсеръ, напротивъ, анти-реалистическое толкованіе воспріятія старается представить непомѣрно сложнымъ и даже противоестественнымъ. „Никто не можетъ, говоритъ онъ, опредѣлить гипотетическаго реализма (такъ Спенсеръ называетъ теорію, по которой внѣшняя вещь есть лишь предполагаемая причина ощу-

[1]) Припомнимъ, что и самъ Спенсеръ настаиваетъ на примѣнимости своего критерія лишь къ простымъ предложеніямъ (см. выше).

щеній, аффицирующая познающій субъектъ) или составить себѣ какое либо представленіе о немъ безъ того, чтобы не покинуть того состоянія сознанія, въ которомъ онъ есть просто воспрниматель, и чтобы не занять такого душевнаго положенія, съ котораго онъ можетъ воспринимать самый актъ воспріятія. Вмѣсто того, чтобы эта книга, которую онъ держитъ въ рукѣ и знаетъ, какъ существующую, составляла единственное содержаніе его сознанія, онъ долженъ еще внести въ свое сознаніе вполнѣ опредѣленнымъ образомъ то въ высшей степени сложное представленіе, которое онъ знаетъ, какъ себя самаго, и потомъ представить, что первое дѣйствуетъ на второе. Онъ допускаетъ (постулируетъ) книгу, онъ допускаетъ себя самаго, онъ допускаетъ нѣкоторую силу, посредствомъ которой первая производитъ нѣкоторую перемѣну въ послѣднемъ. Первоначальное познаваніе книги, какъ существующей, не можетъ быть даже представлено себѣ, какъ сложное познаваніе, безъ помощи околичнаго процесса. Итакъ, то, что мы желаемъ поставить на мѣсто разсмотрѣннаго выше простого познаванія, не можетъ быть даже представлено себѣ безъ предположенія по крайней мѣрѣ трехъ вещей, при чемъ каждое изъ этихъ трехъ отдѣльныхъ предложеній должно быть установлено, какъ истинное, на основаніи немыслимости его отрицанія“ [1]). Нельзя упрекнуть Спенсера въ томъ, что онъ здѣсь исказилъ тотъ способъ представленія, какой критическая мысль желаетъ поставить на мѣсто наивно-реалистическаго; но нельзя не замѣтить и того, что онъ намѣренно придалъ свему изображенію характеръ крайней трудности и запутанности. Несомнѣнно, что разъ мы желаемъ *анализировать* процессъ воспріятія, мы должны „покинуть то состояніе сознанія, въ которомъ мы—просто воспринимателн“. Но вѣдь и когда мы анализируемъ процессъ чтенія, мы покидаемъ то состояніе, въ которомъ мы—просто читатели: мы перестаемъ слѣдить только за символизируемымъ въ текстѣ мыслимымъ содержаніемъ, а начинаемъ разсматривать самые символы. Такъ и при воспріятіи: въ обыкновенномъ опытѣ мы доволь-

[1]) Ibid., § 440, стр. 139.

ствуемся *сознаніемъ и того* сложнаго познавательнаго процесса, не замѣчая образующихъ его элементовъ; при гносеологическомъ-же анализѣ мы останавливаемъ вниманіе именно на элементахъ. Что-же тутъ компрометтирущаго противниковъ наивнаго реализма? Если они процессъ воспріятія считаютъ сложнымъ, то ясное пониманіе этой сложности даетъ наилучшее мѣрило для опредѣленія его гносеологической цѣнности. Закрывать глаза на эту сложность и объявлять непосредственно достовѣрнымъ самый результатъ процесса значитъ игнорировать факты и дискредитировать свою собственную теорію.

Мы видѣли, что кромѣ непосредственнаго приложенія критерія къ испытуемому тезису Спенсеръ даетъ еще другое болѣе сложное доказательство послѣдняго, которое онъ и называетъ собственно „положительнымъ оправданіемъ реализма". Это доказательство ведется путемъ психологическимъ,—чрезъ анализъ сознанія, направляющійся къ тому, чтобы показать *психологическую неизбѣжность* реалистическаго убѣжденія для здороваго и правильно дѣйствующаго сознанія.

Постановка самой задачи, разрѣшеніе которой, по мысли Спенсера, должно дать ему „положительное оправданіе реализма", не чужда нѣкоторой спутанности. „Реализмъ, говоритъ Спенсеръ, долженъ считаться оправданнымъ положительнымъ путемъ, если будетъ доказано, что онъ есть показаніе сознанія, дѣйствующаго по своимъ собственнымъ законамъ". Не говоря уже о томъ, что терминъ „сознаніе" имѣетъ много значеній, и Спенсеръ не оговорилъ, въ какомъ смыслѣ онъ его понимаетъ, помимо этого, простая *психологическая* законосообразность представленія еще не ручается за его *гносеологическую* состоятельность, а вопросъ о реализмѣ есть именно вопросъ гносеологическій. Все разнообразіе воспринимаемыхъ нами чувственныхъ качествъ вещей есть вполнѣ закономѣрный и въ своемъ родѣ неизбѣжный продуктъ нашей психофизической организаціи; и однакожъ психологія вмѣстѣ съ физіологіей органовъ чувствъ доказываютъ совершенную субъективность этихъ качествъ, признаютъ въ нихъ только форму реакціи субъекта на воздѣйствія внѣшняго міра. Оставаясь вѣренъ своей точкѣ зрѣнія, Спенсеръ долженъ-бы былъ отрицать

этотъ результатъ физіологіи органовъ чувствъ. Почему-же не можетъ быть, что и полаганіе объекта (вещи) внѣ меня является подобной-же функціей познающаго духа? И чѣмъ болѣе Спенсеръ сталъ бы настаивать на неизбѣжности такого полаганія объекта въ дѣятельности нашего сознанія, тѣмъ, собственно говоря, подозрительнѣе являлось бы реальное (трансцендентное) существованіе этого объекта: разъ сознаніе не можетъ его не полагать, то не остается никакаго ручательства за его существованіе an sich; вѣдь напримѣръ, раздраженіе чувствующаго нерва всегда сопровождается сознаніемъ извѣстнаго качества, хотя бы внѣ субъекта и не было предмета обладающаго этимъ качествомъ. Вотъ если-бы сознаніе способно было обходиться безъ полаганія объекта, но въ дѣйствительномъ опытѣ ему это не удавалось, тогда бы мы еще скорѣе могли находить въ этомъ хоть какое нибудь свидѣтельство о транссубъективномъ бытіи.

Гораздо резоннѣе другое разъясненіе той же задачи. Спенсеръ собирается показать, что „тѣ акты мысли, которые доставляютъ намъ антитезу субъекта и объекта,—совершенно сходны съ тѣми, посредствомъ которыхъ устанавливаются истины, считаемыя нами за наиболѣе достовѣрныя“. Если-бы онъ это сдѣлалъ, то реализмъ дѣйствительно былъ бы оправданъ. Но, къ сожалѣнію, это только обѣщаніе.

Въ своей „Динамикѣ сознанія“ (глава XV) нашъ авторъ, какъ мы помнимъ, утверждаетъ существованіе такихъ предложеній, въ которыхъ связь подлежащаго съ сказуемымъ—неразрывна. Всякое умственное изслѣдованіе какого либо положенія и есть, по его мнѣнію, проба разъединить его элементы. Если при этомъ испытаніи связь окажется неразрывной, то изслѣдователь обязанъ принять ее, какъ выраженіе истины. Спенсеръ здѣсь въ сущности повторяетъ то-же, что говорилъ онъ при отысканіи критерія, и потому здѣсь имѣютъ силу тѣ наши замѣчанія, которыя мы высказывали по поводу этого критерія. Здѣсь-же слѣдуетъ указать, что необходимыми сужденіями Спенсеръ считаетъ, если, судить по его примѣрамъ, такія, въ которыхъ даются формулы примѣненія къ опыту *категорій* (субстанціальности, причинности, пространства и т. п.). Такъ примѣръ

„ледъ необходимо холоденъ“ онъ еще не считаетъ вполнѣ безспорнымъ [1]). Сужденіе-же „вмѣстѣ съ движеніемъ существуетъ нѣчто движущееся“ онъ признаетъ необходимымъ [2]). Подобнымъ же образомъ онъ находитъ, что „идея о давленіи не можетъ быть разъединена отъ идеи о чемъ либо занимающемъ пространство“ [3]). Едва-ли надо разъяснять по этому поводу, что категоріи, будучи необходимыми общими началами, обусловливающими возможность опыта, формальными принципами, позволяющими связать и объединить все разнообразіе доставляемаго намъ чувственностью эмпирическаго матеріала,—законно и безспорно примѣнимы только въ предѣлахъ опыта; но чтобы переносить ихъ *за предѣлы опыта*, или считать организованную при ихъ помощи систему опытнаго знанія отображеніемъ трансцендентной дѣйствительности для этого нужны *спеціальныя доказательства*. Категоріи, слѣдовательно, не могутъ давать образцы необходимо и безусловно достовѣрныхъ сужденій. И если-бы Спенсеру даже удалось показать, что реалистическое убѣжденіе такъ же необходимо, какъ сужденія, выражающія примѣненіе категорій къ опыту, этимъ было бы только доказано, что *въ практикѣ нашего опытнаго познанія мы должны представлять себѣ внѣшній міръ существующимъ*. Но нѣтъ нужды говорить, что гносеологическій вопросъ ставится не объ этомъ. Эмпирической реальности внѣшняго міра никто и не оспариваетъ. Эмпирическая же реальность есть только необходимый *способъ представленія*. Вопросъ идетъ о томъ, существуютъ ли вещи внѣшняго міра *сами по себѣ* (an und für sich). Пусть въ своемъ опытномъ познаніи я необходимо мыслю реалистически;—но, можетъ быть, это необходимое представленіе есть только *необходимая фикція*, пригодная лишь для того, чтобы, подобно категоріямъ, объединить и связать элементы опыта? Значитъ, вопросъ о трансцендентномъ существованіи вещей,—внѣ моего сознанія и внѣ моего опыта *все равно оставался бы открытымъ* и для своего положительнаго рѣшенія нуждался бы въ особыхъ доказательствахъ.

---

[1]) Ibid., § 445, стр. 146. [2]) Ibid, стр. 147. [3]) Ibid., стр. 146.

Но Спенсеру не удалось даже и этого сдѣлать. Онъ только голословно утверждаетъ, что реалистическое представленіе такъ-же необходимо, какъ и приведенные имъ образцы необходимыхъ сужденій. Другими словами, онъ опять ссылается прямо же на свой критерій и, слѣдовательно, „динамику сознанія“ привлекъ совершенно ни къ чему. А указываемый имъ въ качествѣ примѣра фактъ, что человѣкъ, отправляя вилкою въ ротъ кусокъ пищи, не въ силахъ сомнѣваться въ реальности этого куска, сойдетъ за убѣдительный аргументъ только развѣ въ товарищеской бесѣдѣ, а отнюдь не въ философскомъ разсужденіи. Это—въ родѣ тѣхъ доводовъ, какими нѣкоторые критики пытались опровергнуть Берклея... Кстати, —по поводу Берклея: поистинѣ жаль, что въ лицѣ Спенсера англійская философія пытается отвернуться отъ тѣхъ здравыхъ пріобрѣтеній, какія она сдѣлала въ трудахъ Клойнскаго епископа, порвать съ той традиціей плодотворнаго критицизма, который завѣщанъ англійской философіи великими—Локкомъ, Берклеемъ и Юмомъ! И вполнѣ справедливо будетъ на эту популярную аргументацію Спенсера отвѣтить напоминаніемъ слѣдующихъ словъ Берклея, направленныхъ противъ непонимавшихъ его критиковъ: „я отнюдь не оспариваю существованія какой либо вещи, которую мы можемъ познать чрезъ чувственное воспріятіе или рефлексію. Что вещи, которыя я вижу моими глазами и осязаю моими руками, существуютъ, дѣйствительно существуютъ,—въ этомъ я менѣе всего сомнѣваюсь. Единственно что мы отрицаемъ,—это то, что философы называютъ матеріей или тѣлесной субстанціей [1]). Но, можетъ быть, кто нибудь возразитъ, что что бы мы ни говорили, онъ всетаки будетъ вѣрить своимъ чувствамъ и не согласится, будто какія нибудь доказательства, какъ бы правдоподобны они ни были, могутъ значить больше, нежели чувственная достовѣрность. Мы скажемъ ему: въ добрую пору!—утверждайте, сколько угодно, надежность чувствъ, мы съ этимъ вполнѣ согласны. То, что я вижу, слышу и чувствую,—суще-

[1]) *Berkeley* Abhandlung über die Principien der menschlichen Erkenntniss. Deutsche Uebersetzung von *F. Ueberweg* (въ философской библ. *Кирхмана*)' № XXXV, S. 38.

ствуетъ, т. е., воспринимается мною; въ этомъ я такъ же мало сомнѣваюсь, какъ и въ моемъ собственномъ существованіи. Но я не понимаю, какимъ образомъ свидѣтельство чувствъ можетъ приводиться въ доказательство существованія вещи, которая не воспринимается чувствами“ [1]). Спенсеръ старается доказать то, въ чемъ ни одинъ идеалистъ не сомнѣвается, и оставляетъ безъ доказательства то, что именно и нуждается въ доказательствѣ.

Что реализмъ есть психологическая необходимость, это, какъ мы упоминали, Спенсеръ старается доказать длиннымъ изслѣдованіемъ „связей между элементами сознанія, взятаго во всемъ его цѣломъ“. Но мы не будемъ разсматривать этого его изслѣдованія. Пусть даже свой тезисъ ему и удается доказать; это нисколько не будетъ оправданіемъ реализма. Мы уже не разъ разъясняли, что субъективно-психологическая необходимость отнюдь еще не есть ручательство за дѣйствительность, что какъ бы съ психологической точки зрѣнія реализмъ ни былъ необходимъ, онъ всетаки еще нуждается въ гносеологическомъ оправданіи, которое показало-бы, что онъ не есть только необходимая иллюзія человѣческаго духа.

Въ заключеніе Спенсеръ характеризуетъ свой реализмъ, какъ „преобразованный“ въ отличіе отъ грубаго или наивнаго. По поводу этой характеристики находимъ справедливымъ замѣтить, что ее можно принять, поскольку имѣется въ виду *содержаніе* и свойство подробностей раскрываемаго Спенсеромъ реалистическаго представленія (мы въ своей критикѣ этого не касались); но если принимать въ разсчетъ *обоснованіе* или оправданіе самаго реалистическаго тезиса (что собственно мы и старались разсмотрѣть), то претензію на отличіе отъ наивнаго реализма надо будетъ признать неосновательной. Всѣ многочисленные пріемы, какими Спенсеръ думаетъ обосновать и оправдать свой реализмъ, обнаруживаютъ сплошное и грубое непониманіе настоящаго гносеологическаго вопроса. Въ своихъ доказательствахъ существованія внѣшняго міра Спенсеръ почти всюду разсуждаетъ, какъ наивный реалистъ.

---

[1]) Ibid. № XL, S.S. 40—41.

Мы окончили разборъ основаній Спенсерова реализма. Красною нитью чрезъ всѣ эти доказательства проходитъ враждебное отношеніе къ разуму и преклоненіе предъ внушеніями слѣпого инстинкта или привычки. Въ основу всей аргументаціи положенъ скандальный для философіи „судъ надъ разумомъ". А самое развитіе доводовъ представляетъ въ сущности толченіе на одномъ мѣстѣ, упрямое повтореніе неудачнаго постулята (немыслимость противоположнаго, какъ критерій) и ни для кого не убѣдительную апелляцію къ непосредственной очевидности тамъ, гдѣ требуется, напротивъ тщательный и осторожный анализъ. Въ частности, предварительныя доказательства всѣ суть argumenta ad hominem, можетъ быть, и убѣдительныя для нефилософской толпы, но не имѣющія ровно никакой философской цѣнности. Прямое-же доказательство, хотя и кладетъ въ свою основу законное философское требованіе—опираться на заранѣе дознанный и оправданный критерій,—оказывается однако же несостоятельнымъ какъ въ открытіи и установкѣ самаго критерія, такъ тѣмъ болѣе въ его примѣненіи къ дѣлу. Здѣсь въ дѣйствительности и нѣтъ никакого доказательства, а только одно непрерывное указаніе на мнимую непосредственную очевидность. Но если мы въ философіи предоставимъ такія широкія права непосредственному усмотрѣнію, то должны будемъ совершенно отказаться отъ всякой философской критики и погрузиться въ бездну безпросвѣтнаго легковѣрія. И, любопытная вещь,— какъ измѣняются требованія у одного и того-же мыслителя при однородныхъ въ сущности случаяхъ! Скептически относясь къ метафизическому познанію вообще,— между прочимъ и къ познанію Божества,—во имя будто бы недоступности этого познанія для провѣрки, тотъ-же Спенсеръ такъ легко и довѣрчиво рѣшаетъ вопросъ о реальности внѣшняго міра. А вѣдь вопросы-то эти совершенно однородные: какъ трансцендентныя реальности, и вещи чувственнаго міра, и Божество лежатъ за предѣлами опыта. Почему-же однимъ слѣпо вѣрятъ, а отъ другого придирчиво требуютъ доказательствъ? Скажутъ: въ нашемъ опытѣ, въ мірѣ нашего представленія намъ данъ всетаки образъ міра въ себѣ, хотя бы и не точный, но всетаки намекающій на его отношенія. Но,

спросимъ мы, развѣ въ религіозномъ опытѣ, въ подъемахъ религіознаго чувства, въ этической жаждѣ высшихъ гарантій для идеала,—не дано подобнаго же субъективнаго соприкосновенія съ Божествомъ? Спросите вы мистиковъ, спросите даже обыкновенныхъ благочестивыхъ людей,—многіе изъ нихъ вамъ скажутъ, что Богъ „недалече отъ единаго коегождо насъ есть“ (Дѣян. 17, 27). Если-же мы для богопознанія требуемъ все-таки философскихъ доказательствъ, то мы въ правѣ ихъ требовать и для міропознанія,—и это тѣмъ болѣе, что послѣднее является необходимымъ логическимъ prius'омъ перваго.

П. Тихомировъ.

Отдѣльные оттиски изъ № 19 и 20 ж. «Вѣра и Разумъ» за 1900 годъ.

Харьковъ. Типографія Губернскаго Правленія.